

Бигельды ГАБДУЛЛИН

МАРАЛЬ

(ОПАСЕН, НО НЕВИНОВЕН)

Судебный роман

Окончание. Начало в № 9–10, 2024.

«Лезет в волки, а хвост собачий»

Когда поздно ночью Хана, усталого, измождённого, в наручниках выводили из здания Нацбюро, он увидел своих коллег из газеты. Они сидели понурые, потерянные, продрогшие на морозе. Увидев Хана в таком плачевном виде, засуетились, не зная, что сделать или сказать. У Хана кольнуло в сердце. «Боже, ну их-то за что мучают?! Неужели теперь и их арестуют? Куда же катится страна?! Вокруг меня свирепствует какая-то пандемия очумевшего беспредела! О Аллах, спаси моих коллег, помоги им!» Ему уже было плевать на всё, потому что боль за невинных коллег, за семью, за малолетних детей разрывала сердце и душу больше, чем беспокойство за себя. В эти дни ему было невыносимо плохо, нервы гудели как провода, постоянно кололо в висках, глаза воспалились, начался нестерпимый зуд. Хан боялся обнажить своё сердце, свой мозг с какой-нибудь неожиданной стороны. Хватит ли у него сил на борьбу со всей этой ненавистной системой, которая любого может превратить в виновного?! «Чего же вы добиваетесь, слепо обвиняя порядочных людей? – рассуждал Хан про себя. – Знаю, что вам надо! Вам дали задание – кровь из носу забрать у Жумабаева газету и портал. Вот чего вы добиваетесь! Мрази, это я ограждён от вас толстыми стальными решётками и пятирядной колочкой проволокой, а никак не наоборот. От вашего позорного правосудия, надеюсь, что временного, корыта помоев для лицемерных и продажных, ни на что, кроме как жрать и срать, не способных свиней, разит тошнотворным зловонием!»

Его доставили в камеру. Естественно, ужином уже не пахло, к своим продуктам не подойдёшь, зоркое око видео всё замечает – схлопочешь взыскание. В камере появились новенькие, все шконки-четырёхместки заняты, арестанты спят крепким сном, лёг и он. Утром, как всегда, объявили фамилию дежурного по камере. Каждый занимался своим привычным делом, а к нему с виноватым видом подошёл Ришат и тихо сообщил, что хочет рассказать кое о чём. Хан удивился, какие секреты могут быть между ними, но кивнул: «говори».

– Знаете, когда мы сидели в 615-й камере, опер попросил меня, чтоб я ночью подошёл к вам и у ваших губ поводил членом... Я не стал этого делать.

Хана передёрнуло.

– Зачем? Почему молчал столько дней?

– Заснять на видеокамеру. Они думают, что вы богатый человек, потом бы начали провоцировать вас, доить постоянно, а потом передали бы в зону... Молчал, потому что боялся их и вас! Простите!

– Ты ел мои продукты, обращался ко мне за советами, я за тебя переживал, когда меня перевели в другую камеру, а ты шёл к ментам и стучал на меня! Я же никогда не спрашивал, зачем тебя постоянно вызывал опер?! Ты от него возвращался весёлый, как ручеек, довольный. Я был рад за тебя! А ты, идиот, докладывал им всё! Как ты мог?

– А что прикажете делать, ага? – оправдывался пацан. – Я за какие-то велосипеды могу загреметь в зону. У меня ни родных, ни родителей, ни друзей. Как я выживу в зоне? Кем я выйду? Инвалидом, тубиком? Мне скоро двадцать. Неужели я так сильно подвёл вас? Я же ничего не сделал, я же отказался!

– Почему сразу не сказал? – простонал Хан, игнорируя его оправдания. – Я же тебе верил! Делился с тобой последним куском хлеба. Рассказывал о себе, о своих планах, учил уму-разуму! А ты бежал к оперу и всё докладывал. Гнида ты! – воскликнул Хан. – Пошёл отсюда! Видеть тебя не хочу! Иуда!

Сокамерники не на шутку всполошились, услышав громкую ругань.

– Мужики, давайте поговорим, – обратился к ним Хан. – Мы же почти не знакомы! Хочу предупредить, если вас опера попросят о чем-либо, скажем, сделать какую-то гадость в отношении меня, то знайте, я в долгу не останусь. За душу собственными руками! Усекли?

– А что случилось, брат? – поинтересовался один из соседей, который был старше других.

– Пусть этот расскажет... – Хан указал на Ришата.

Тот понуро, тихим голосом сообщил о том, что могло случиться в 615-й камере.

– Да по тебе же сразу видно, что ты дерьмо на шампуре! Житья тебе не будет в этой камере! – полетели в него угрозы со всех сторон.

– Ладно, всё! Разобрались – хватит! – завершил Хан неприятный инцидент.

Как только сидельцы сели завтракать, гадёнышу поступила команда:

– Нигматулин, с вещами на выход!

Тот, счастливый от такого исхода, мигом собрал своё барахло и уже перед выходом молча посмотрел на бывших соседей. Видимо, хотел извиниться ещё раз, но это ему не удалось, так как он получил несколько пинков по заднице и канул в неизвестность.

Подлый поступок Ришата не давал ему покоя. Хан всё обдумывал и обдумывал его действия и чётко уяснил: в этом учреждении администрация имеет одну конкретную цель – унижить и растоптать человека. И для таких подлых целей всегда находились безвольные люди, как Ришат, которые исполняли лишь то, что им говорят, поскольку никакой другой мысли просто не может угнестись в пустой голове.

Ох, как Хан был зол и на капитана Атбасарова. Помнил, как тот вызывал его к себе и в доверительной беседе говорил, что знает его самого, его творчество, общественное положение.

– О вас много сейчас говорят в газетах и по телевидению. Видимо, скоро выпустят. Но пока ни один волос не упадёт с вашей головы. Я головой отвечаю за вас. Чуть что – обращайтесь ко мне через Аубакирова. Вам повезло, если бы попали сюда лет пять назад, тогда несладко бы вам пришлось. В то время в СИЗО зеки держали мазу, мы боялись заходить в камеры. А сейчас тут командуем мы. – При этом монологе капитан даже приосанился.

И вот этот, про которого зеки говорили «лезет в волки, а хвост собачий», выходит, готовил против Хана такую подлянку. Конечно же, он рассчитывал, что получит солидные деньги за такую провокацию. К счастью, обошлось! Хан уединился, ушёл в себя, поэтому не было никакого желания знакомиться с соседями. Да и они, видя его состояние, не лезли в душу. Что же будет с ним дальше? Хана теперь больше всего беспокоило собственное будущее. От адвоката он узнал, что когда его задержали, сыскари Нацбюро прибыли в обе редакции его изданий и устроили там неслыханный обыск, выемку документов. Они всю ночь до утра рылись в его бумагах, арестовали бухгалтерские отчёты за последние пять лет. Причём прибыли с нарушениями законов, на замечания юриста

газеты не реагировали, словом, вели себя хамски. На другой день из редакции газеты они вывезли более двадцати ящиков документов, несколько компьютеров. Теперь, что ни день, в алматинское отделение Нацбюро вызывали сотрудников газеты. Чего они добивались? Ясное дело – обвинительных показаний на Хана.

Объявили отбой. Обычно он быстро проваливался в сон и спал как убитый. Но сегодня никак не мог задремать. Хан убедился стопроцентно, что со своими адвокатами, хоть разобьётся о стенку головой, не сможет доказать свою невиновность. Известно, что каждый человек, тем более честный, живёт какими-то надеждами. Но ведь никаких надежд у него нет. Как повлияют на его здоровье суровые условия северной колонии? Как-никак, ему уже шестьдесят второй год. Как он убедился, в тюрьмах сидит в основном молодёжь, от восемнадцати до тридцати лет. Словом, Хан в полной мере начал осознавать всю реальность нависшей над ним угрозы! Так прошла бессонная ночь. Он казался себе существом, выпавшим из времени в бескрайность одиночества и уныния. Под утро усталость всё-таки переборол, и он заснул. Но проснулся рано. Несколько минут лежал без движения, вспоминая вчерашние тяжёлые думы. Вдруг возникло в нём какое-то томительно-тревожное предчувствие: сегодня он должен принять нелёгкое, но однозначное решение! Хан почувствовал ужасную слабость, сильное недомогание. Головная боль, кашель, температура – всё навалилось сразу. Его опять повезли к следователю.

Однако за час до этого в жизни Хана произошло ещё одно важное событие. Его перевели в 602-ю камеру – в ту заветную, откуда шёл аромат пищи, где играли в шахматы, шашки, нарды. «Ну надо же! По моим предположениям, вчера или даже сегодня утром провернулась какая-то важная шестерёнка административной машины СИЗО. Начальнику учреждения или его заместителям позвонил какой-то важный чин из Министерства внутренних дел и отдал краткий приказ: Жумабаева переселить в камеру. В надлежащую! Иначе бы куковал ещё без горячего чая, книг, газет, послеобеденного сна и настольных игр», – подумалось ему, когда он входил в желанную камеру под номером 602. Не успел Хан оглядеться, познакомиться с новыми соседями, как его вывели в коридор и на машине отправили к следователю Сабирову.

Когда его в наручниках выводили наружу, вдалеке, перед зданием Нацбюро, он увидел своих родных. Бросился было навстречу, но конвой перехватил. Пришлось довольствоваться лишь кивками. О, как неприятна была эта немая сцена! Хану было жалко и их, прибывших издалека, чтобы повидать его, и себя, тем более в таком плачевном и непрезентабельном виде. Лучше бы так не встречались! Он подумал, что самое трагичное для человека – это видеть близкого в гробу или в наручниках!

В следственном корпусе Нацбюро Хана поразила непривычная теснота – весь кабинет был забит коробками, ящиками, компьютерами. Собрался спросить, что за приобретения, как его глаза кольнули до боли знакомые слова: TOO Alem, Asia Times. Это же его вещи, бумаги из кабинета! Странные мысли будоражили его мозг. Он ощутил, что какой-то важный период его жизни попал в чужие руки, что перелистывается страница судьбы. «Эх, гады! В них же нет ничего криминального!» – подумал он и махнул рукой.

Стало быть, его офиса больше нет! Он разорён. Документы вывезены, сотрудники в шоке. Работа газеты и портала парализована!

В этот момент в кабинет вошли его адвокаты. Пока следователь возился с бумагами, он незаметно передал Амантаю письмо жене, где не жаловался, напротив, крепился и говорил, как скучает. От одной мысли, что вскоре эти строчки прочтёт любимая, на душе стало тепло, а дурные мысли приутихли.

«Всё равно не докажешь!»

Низкое декабрьское солнце залило золотом кабинет следователя на четвёртом этаже. В комнате, заставленной ящиками, было душно и жарко. Целый день следователь допрашивал Хана, прыгая по разным эпизодам, уточнял, сверял... Порой останавливал допрос и, как школьник, позабывший таблицу умножения, хватал материалы дела и исчезал из кабинета. Хан осознавал, что следователь уходил неспроста, он получал дополнительные советы, ценные указания. Его раздирало жуткое любопытство: кто же является его кукловодом, тайным советником, кто руководит следствием? При очередном допросе он попросил своего адвоката Амантая попытаться раскрыть эту небольшую тайну. Тот вышел за следователем и через минуту явился с ответом:

– Так это же безызвестная Алёна Кунсель!

Хану эта фамилия ни о чём не говорила.

– О, это особая птица в иерархии силовиков! – воскликнул Амантай. – Она вела все громкие дела: экс-премьера, экс-министра, чиновника высокого ранга из Минздрава, того же Айтказы Сатаева.

– Ну, теперь ясно! – коротко ответил Хан.

Перед следователем явно была поставлена одна цель: истощить нервы подозреваемого, обессилить физически, заставить подписать то, что им требуется. Даже спокойный допрос забирал много сил. Так не хотелось Хану вновь и вновь выворачивать душу наизнанку перед малограмотным следователем, копаться в памяти, выуживая малейшие детали, которые якобы смогут послужить оправданием на предстоящем суде, хотя ясно было, что всё катится к обвинительному финалу.

Шаламов писал, что допрос – борьба двух волей: следователя и обвиняемого. К сожалению, эти воли находятся не в равных условиях. Как можно говорить о воле арестанта, если тот измучен холодом, моральной подавленностью, несправедливостью, безнадёгой, тоской по родным, а голова его занята не только судебными делами? Хан был доведён до такого состояния, что стал бросать следователю в лицо простые истины, вытекающие из элементарного здравого смысла. Тот фиксировал вовсе не то, что говорил Хан, поэтому иногда буквально приходилось повышать голос:

– Запишите мой ответ не своими словами, а точно так, как я формулирую!

Хан исходил из того, что правда не нуждается в защите. Но следователь этого не понимал и истолковывал всё по-своему.

«Знаю, сволочи, чего вы от меня хотите. Признания вины! Но я не виноват. Не было никакого вымогательства с моей стороны. Министры и акимы областей сами хотели сотрудничать с газетой, сами предлагали госинформзаказ, переделывая спецификации тендеров! А газета писала об их неблаговидных делах: воровстве, коррупции. Я всё выдержу! Что можете сотворить вы и ваша команда, я знаю. И всё же побойтесь Аллаха! Небось учили стихи Лермонтова: “Но есть и Божий суд, наперсники разврата!.. Есть грозный судия: он ждёт; он не доступен звону злата... И мысли, и дела он знает наперёд...”»

Да, у каждого в тюрьме своя борьба, своё терпение, свой опыт и, наконец, свой запас душевных сил. «Хангельды, – говорил он себе, – незачем пытаться доказывать этим скотам свою правду, всё равно не докажешь!» С этими мыслями он ходил по камере из угла в угол, изучая привычные до тошноты сколы и трещинки на облезлых стенах, и минуты тянулись как дни, а дни – как целые нескончаемые бессонные годы. «Может, переговорить с Андреем Кимом из Следственного комитета, предлагавшим выход из положения?», – подумалось ему, когда уже наступили сумерки и адвокаты уехали по домам.

Тем временем в Астане наступила зима, промозглая и тягучая зима, какая бывает только в этом северном, продуваемом ветром городе. Через небольшое зарешеченное окно Хан видел, как с самого утра небо заволокло мутной пеленой, бледное солнце едва проглядывало через неё, а порывистый ветер нагонял не только пургу, но и тоску. Хан затосковал оттого, что не только осень прошла, но и незаметно тает и его жизнь. Он всё обдумывал и обдумывал своё решение встретиться с Кимом. И наконец принял твёрдое решение: да, надо посоветоваться. Стоило сказать об этом следователю Сабирову, как он буквально через несколько минут привёл Хана в кабинет Андрея. Тот сразу же предложил ему чай, о, это было царским угощением! Ароматный, крепко заваренный, с печеньем – это мечта любого, кто сидит в СИЗО.

– Андрей, я к вам проникся особым уважением, на мой взгляд, в этом здании вы единственный человек, кому можно доверять, – начал Хан свой нелёгкий разговор.

Андрей, обкатанный, опытный следователь, который ни единого лишнего слова не скажет, смутился:

– Ну что вы, Хангельды Жумабаевич! Тут немало хороших людей. Я к вам на самом деле отношусь с большим уважением. Я всё понимаю и хотел помочь, но вы не приняли моего предложения. Ситуация у вас сейчас трудная. Слушаю вас!

– Вот потому я решил посоветоваться с вами. Андрей, помните, ещё во второй день, после задержания, у нас с вами был доверительный разговор?

– Да, конечно, помню, – в голосе следователя чувствовался интерес.

– Давайте вернёмся к нему? Что значит «содействовать следствию»?

– Это означает вот что: вы должны взять на себя вину за некоторые эпизоды. Погасить ущерб. Написать явку с повинной.

– И тогда?..

– И тогда есть возможность выйти на свободу по 55-й статье УК РК. Правда, эта статья применяется в особых случаях и только к известным людям, – с мягкой доброжелательностью произнёс Ким.

– А какие эпизоды вы имеете в виду и о каком размере погашения ущерба идёт речь?

– Прежде всего о вашем желании явиться с повинной я должен переговорить с начальством. Не я принимаю решения. Эта статья применяется редко. По эпизодам и размерам ущерба ещё рано говорить. Если вы сами, без адвокатов, приняли твёрдое решение, то я сейчас поднимусь к начальству.

– Это моё твёрдое решение. Я иду на этот шаг самостоятельно. Адвокаты тут не нужны. Я понял одно: твой лучший адвокат – это следователь. И я имею в виду не Сабирова, а вас, Андрей. Возьму на себя вину, лишь бы выйти отсюда. В нашей стране пользы от адвокатов мало, с их мнением следствие не считается, – настойчиво, с нажимом сказал Хан.

– Ок, тогда посидите тут, попейте чайку, я поднимусь наверх.

Сразу за ним в качестве охраны в кабинет прибыл молодой человек, видно, командированный из областных филиалов Нацбюро. Он молча сел за стол и начал копаться в телефоне.

Минут через пять вернулся Андрей.

– Я вас поздравляю, Хангельды Жумабаевич! Получено добро на ваш запрос.

– Андрей, можно ли узнать, от кого получено?

– Нет, я этого не могу сообщить. Но скажу одно: я был у самого большого начальника, перед которым мы стоим по стойке смирно.

– Он держит своё слово? Не осложню ли я свою участь, оговорив себя? Вы же всё понимаете... почему и зачем я иду на такой опасный шаг?

– Вы можете ему верить. Он держит слово. – Андрей смерил его взглядом, не дождался новых вопросов и бодро сказал: – А сейчас надо подняться к начальнику департамента по следствию. Идёмте!

Хан вслед за Андреем Ким прошёл на этаж выше. Уже перевалило за девять вечера, но работа в здании Нацбюро кипела. В приёмной у начальника никого не было, и они сразу вошли в кабинет. Хозяин его выглядел заинтересованным и доброжелательным:

– Прошу, присаживайтесь, Хангельды Жумабаевич. Андрей сказал, вы готовы?

– Да, я всё обдумал и готов сделать всё, чтобы вернуться на волю. Мои старания защитить своё честное имя разбиваются в пыль. – Голос Хана обрел силу, уверенность и полнзвучность. – Так какой смысл биться головой о стену?

– Правильные слова! Давно надо было принять такое решение. Уже были бы дома! – сказал хозяин кабинета и неторопливо закурил.

Сквозь завесу табачного дыма он, как проницательный художник, разглядывал подследственного, оценивая незавершённое полотно.

– Высшее начальство дало добро, так что остальное зависит от вас, – сказал он. – Думаю, дней эдак через десять будете целовать своих детишек.

Безоговорочная твёрдость, с которой он произнёс эти слова, вселила в Хана уверенность в том, что Нацбюро выполнит обещание и что ему следует принять предложение.

– О каких эпизодах идёт речь? Хотелось бы уточнить сумму погашения ущерба. Дело в том, что на счету моей газеты на сегодня всего сто тенге. Андрей слышал мой телефонный разговор с бухгалтером.

– По эпизодам вы с Андреем сами решите. Сумма погашения, думаю, будет сильной для такого состоятельного человека, как вы. Ну всё, вперёд, по коням! – Хозяин кабинета улыбнулся и отдал приказ подчинённому докладывать по каждому моменту.

Спустились в кабинет Андрея. Было уже десять вечера.

– Чтобы писать явку с повинной, присутствие адвокатов обязательно, – заметил Андрей. – Поэтому сейчас их пригласим.

– Не слишком поздно людей беспокоить?

– Ханеке, мне или вам хочется домой? Время не ждёт. Я позвоню им.

Пока адвокаты ехали в Нацбюро, Хан поинтересовался у Андрея, за какие эпизоды он должен взять вину.

– Четыре. Две области, Астану и Министерство энергетики.

– Какие области?

– Южную и Восточную.

– А при чём тут Южная? Там же все тендеры состоялись при бывшем акиме Козыбаеве, тем более они отработаны газетой, получены документы от акимата о выполненной работе. За 2016 год то же самое, всё закрыто по закону. А на 2017 год, по которому весь сыр-бор, тендер ещё не состоялся. Это же несправедливо, Андрей!

– Тут вам спорить не стоит. Так решено.

– А сумма погашения какая?

– Около двадцати миллионов тенге...

– Андрей, это для меня неподъёмная сумма! Это очень большие деньги! – досады Хана не было предела.

– Ну, у вас же есть друзья. В вашем гараже вас дожидается пятисотый «мерин» последней марки. Кстати, когда вы его приобрели?

– В 2014 году. Вы говорите «друзья», да, они есть, но я же нахожусь в тюрьме. Выпустите меня на волю, там я смогу найти такую сумму.

– Нет, это даже не обсуждается. Я могу дать вам только свой телефон, вы хоть до утра можете звонить и решать свои вопросы. Да, Хангельды Жумабаевич, ещё один важный момент. С этой минуты в печати, в Интернете не должно быть ни одной статьи в вашу защиту. Тем более из-за рубежа! – сказал Ким, стараясь изобразить улыбку.

– Как я это сделаю?!

– Постарайтесь, это в ваших интересах. Вот мой телефон, – подытожил Андрей.

«Да! Не всё так просто, оказывается. Это же сущая кабала! Берёшь на себя вину, оговариваешь себя, ещё такие деньги газета должна заплатить. То есть газета возвращает деньги за отработанные госзаказы-тендеры? Что делать? Может, отказаться? Но если откажусь, что будет с моей семьёй, детьми? К тому же неизвестно, какие условия в тюрьме строгого режима. Мне дадут как минимум семь-восемь лет. Выдержит ли моё здоровье столь длительный срок, когда оно барахлит уже здесь? За эти годы, скорее всего, я уйду на тот свет. Дети останутся сиротами». После таких тяжёлых размышлений он набрал номер жены.

– Привет, радость моя! Как вы?

Жена страшно удивилась и обрадовалась, она одновременно и отвечала и расспрашивала его.

– Звоню по телефону следователя. У меня всё нормально. В моём деле начинается новый поворот. Я могу попасть домой в течение десяти-пятнадцати дней, если... Радость, слушай меня внимательно. Найди моих друзей, попроси у них денег в долг, нужна сумма в двадцать миллионов тенге. Причём эти деньги надо найти срочно, скажем, за пару дней. Их надо внести в счёт газеты TOO Alem. Потом я скажу, что с ними делать. Да, ещё одна просьба. Попроси коллег, друзей, в том числе заграничных, чтобы с этой минуты не было ни одной публикации обо мне. Имеется в виду в мою защиту.

– Солнце моё, сделаю, как скажете! Лишь бы вас освободили. Насчёт публикаций будет сложнее. Колесо-то завертелось...

Прибыли адвокаты. Хан объявил, что решил написать явку с повинной.

– Почему не посоветовались с нами? – спросил Амантай.

– Что ваши советы? – горько ответил Хан. – Вы же видите, куда всё катится. Я убедился, что вы бессильны мне помочь. Плевали они на ваши аргументы.

– В общем-то, да, – нехотя признал адвокат. – Хорошо подумали о своём решении? Они не переобуются потом?

– Мне хочется им верить!

После этих слов Хан сел за стол и начал писать явку с повинной. Конечно же, первую скрипку в составлении этого важного документа играл Андрей.

– Хангельды Жумабаевич, значит, как договорились, берёте четыре эпизода, то есть Южную, Восточную, Астану и Министерство энергетики. Подробно опишите ваши деловые отношения и в заключение подчеркните, что требовали увеличения суммы госинформзаказа.

Документ под названием «Явка с повинной» занял шесть рукописных страниц. Суть его была проста и ясна: признание вины и раскаяние в содеянном. После завершения этого «труда» выступление Хана записали на видео, потом поздно ночью его доставили в СИЗО.

Новая надежда

На следующее утро Хан проснулся в хорошем настроении, как будто свежий зимний морозный ветер рассеял муть в голове. Предчувствия, ожидания и тревоги, с которыми засыпал все предыдущие дни, словно улетучились. Всё было по-новому – и камера, и соседи, и его положение. До подъёма было ещё рано. Невольно вспомнилась мысль, вычитанная в какой-то книге: судьба всегда предлагает тебе два альтернативных варианта – тот, который следовало бы выбрать, и тот, который ты выбираешь. Каждый удар человеческого сердца – это не мгновения жизни, а тайные сигналы, которые ты должен разгадать. Воля

каждого человека способна преобразить судьбу. Ему казалось, что судьба – это что-то данное свыше, как учили с детства, она уже предопределена и написана на лбу. Но сегодня, лёжа в постели, непрестанно кашляя, Хан осознал, что жизнь гораздо причудливее и прекраснее, чем кажется. Каким бы ни был счастливым или несчастным, в один миг одним поступком можно изменить жизнь.

Прозвучала команда «Подъём». Надзиратель, как обычно, подошёл к двери и громко назвал фамилию дежурного по камере. Очередь выпала Годину. Также он сообщил, что у него сегодня судебный процесс.

Хан познакомился с новыми соседями. Сокамерники его отличались друг от друга всем. Яков Годин был старше всех, крупнее и выше, небольшое брюшко заметно выделяло его среди соседей. Вторым по возрасту был Алексей, ему стукнуло лет тридцать. Он, наоборот, был вылеплен из одних мышц, сухой, скуластый, с прямым жёстким взглядом. Сила чувствовалась и в характере. Третьего звали Серик, выглядел он совсем юным. Уверенный в себе, с открытым, добрым взглядом, Серик сразу располагал к себе. Позже Хан узнал, что он спортсмен и неоднократно участвовал в чемпионатах мира по восточным единоборствам.

Завтрак у них был приличный, если сравнивать с тем, что Хан ел до этого в других камерах. Прежде всего, здесь имелось немало продуктов из дома: колбасы, масло сливочное, различные грузинские блюда из мяса, жареная картошка, консервы, печенье, яблоки, мандарины. Но самое главное, здесь арестантам разрешалось иметь кипяtilьник. Поэтому пей чай хоть сколько! Для человека, который долго не пил кипячёной воды, это было райским наслаждением.

После завтрака Алексей подробно рассказал, что где лежит и как устроен их быт. Дело в том, что 601-я и 602-я камеры имели совсем другой статус. Тут были те же условия, что в тех корпусах, куда после пятнадцатидневного пребывания в карантине переводили всех арестантов. В этой камере после обеда разрешалось спать. Четыре взрослых человека проводили свои дни на площади около двенадцати квадратных метров. У каждого своё бельё, своя посуда, свои туалетные принадлежности. Но продукты общие. Каждый волен есть и пить, спать и двигаться, играть в настольные игры и читать, испражняться и содержать себя в чистоте. Да, непросто наладить всё так, чтобы соседи не сталкивались лбами...

Вскоре Хана с Яковом погнали на «колокольню»: Хана – к следователю, Якова – на суд. Первый день зимы выдался морозный и ветреный, до звона в ушах, до тоскливого беспокойства в сердце. Ещё бы, в его судьбе грядут большие перемены! Ему предстоит выполнить важную и большую работу: найти десятки миллионов тенге, перевести их по указанным реквизитам, получить подтверждение о получении средств, поприсутствовать на очной ставке с представителями областей и министерства и так далее.

В этот день у него состоялся допрос в связи с поступившей в адрес Антикоррупционной службы явки с повинной. В последующие дни его трижды вызывали к следователю для очных ставок с пресс-секретарем Министерства энергетики РК, заведующим внутренней политики акимата Астаны, заместителем акима Астаны и заместителем акима Восточной области. Каждый из них готов был провалиться сквозь землю при встрече с Ханом. Дело в том, что от них требовалось оговорить его. Зная, что он ни в чём не повинен, им трудно было выполнить требования Антикоррупционной службы.

– Ханеке, что делать?! Что делать?! – вопрошали они. – Мы же знаем, что вы не виноваты! Но нас заставляют...

Хан поблагодарил каждого из них за понимание и потребовал:

– Ребята, надо! Так надо! Иначе меня не выпустят. Пишите и говорите, что я у вас требовал денег для газеты!

Новые соседи

Утром к Хану подошел Алексей:

– Ханеке, скажите, вы в других камерах дежурили? Я имею в виду, убрали камеру?

– Конечно же, убирал. По очереди, здесь же нет ничего зазорного.

– Ну, отлично. А то как-то неудобно. Вам за шестьдесят, известный человек!

– Ничего страшного! – успокоил его Хан. – У нас у всех равные права и обязанности!

За то время, что Хан сидел в СИЗО, он усвоил некоторые необходимые правила. Надо тщательно следить за гигиеной, не справлять нужду, когда за столом едят, приветствуется, если вы об этом предупреждаете соседей, следует благодарить за любую мелочь, сделанную сокамерниками для вас. Вежливость и доброжелательность по отношению к окружающим ценятся здесь очень высоко. Тут также надо отвечать за каждое свое слово, обещание, поступок. В быту полная самостоятельность и самообслуживание, всё конкретно, наглядно и определено: это можно, а это нельзя.

Из небольшого окна тянуло морозным дыханием новорожденной зимы. Окно для Хана было олицетворением свободы. Он без труда улавливал её энергетику. Вспомнилось детство на далеком кордоне лесника. Как они с братом играли в снежки, рыли в сугробах тоннели, строили снежные дворцы. Вспоминал потрескивающее пламя в печке, свои заочневшие красноватые ручки, маленькую сестренку. Она пыталась выбегать с ними на мороз, но мама не разрешала. Но тут же встряхивал головой, прогоняя прочь милые годы далекого детства. Тюрьма не место для романтических воспоминаний!

Дружно позавтракали. Благо и Хану пришла передача: по вкусу конины сразу почувствовал – это угощение из Кокшетау от сестры Улдай. Все продукты у них были общие, от тюремной баланды отказывались. После утренней проверки каждый занялся своим делом: кто-то играл в шашки с соседом, кто-то занимался спортом, тягая тяжелую канистру с водой. Слава Аллаху, тут уже не надо было заучивать фамилии презренного начальства. Хан взял книгу с полки и начал читать. Это был роман Теодора Драйзера «Финансист». Ложиться на постель было нельзя, читать разрешалось только сидя.

Среди сокамерников оказалось двое истовых верующих: Алексей и Яков. Алексей принял ислам. Садиться на кровать запрещалось, поэтому он пять раз в день читал намаз на стуле. Еврей Яков, гражданин Израиля, с утра надевал на голову кипу и молился прямо у двери, куда не доставало око видеокамеры. Молился долго, чуть покачиваясь, с закрытыми глазами. Хан перед сном обязательно повторял наизусть две самые важные суры из Корана – аль-Фатиху и аль-Ихлас, обращался к арухам предков, ангелам-хранителям, к Аллаху, благодаря за то, что жив, за то, что встретил любимую, за то, что в преклонные годы она подарила ему двух прекрасных малышей. Просил самозабвенно: «Помогите, помогите выйти на свободу и обнять своих близких». Днем, когда у соседей прояснилась голова, Хан рассказал им о нелегком решении взять вину на себя. Яков, как человек мудрый, высказался первым:

– Сократ говорил: свобода состоит в том, чтобы поступать наилучшим образом. Вы невиновны! Любым путем – лишь бы выйти на свободу! Единственное но, как бы не попасть в их капкан. Дай Бог, чтобы эти гады сдержали слово.

Алексей, который имел богатый опыт тюремной жизни, сказал:

– Хан, дорогой, мы слышаны о вашем деле. Сатаев нас всё время просвещал. Ему же приносили много газет, и там мы читали про вас. Вашей вины нет, это видно, как говорится, невооруженным глазом. Они хотят упрятать вас в тюрьму, дабы избавиться от такого журналиста, как вы! Ясен перец! Кочевряжиться в

астанинском СИЗО бесполезно, себе дороже. Зачем упираться рогами в стойло, если ничего не докажешь?

– Наши судебные органы – это помесь идиота с дебилом. Что хотят, то есть что им скажут, то и сделают, брат! Если вас стопудово выпустят после признания, стоит идти на соглашение, – подытожил Серик.

У каждого его сокамерника была своя жизненная история. Яков Годин родился и вырос в интеллигентной семье в Ленинграде. Закончил там институт, женился, родилась дочь. Работу имел интересную, но его потянуло на Землю обетованную, а жена ехать в Израиль не захотела. Он уехал один, там выучил иврит, устроился на хорошую работу. Однажды познакомился с интересной женщиной из Астаны, которая приехала туристкой в Израиль. У них завязалась дружба, потом он несколько раз приезжал к ней в гости. Она известная бизнесвумен, хозяйка ресторана и других небедных компаний. Скоро Яков решил перебраться в Казахстан. Они поженились, занялись бизнесом, и вот оба попали под статьи «мошенничество», «неуплата налогов» и вместе в СИЗО ждут решения суда.

У Алексея биография оказалась туманная. Он частенько ездил на «стрелки» и разводил бизнесменов, выбивал долги. Несколько лет тому назад, когда в астанинском СИЗО были совсем другие порядки, Алексей тут занимал статус «положенца». А арестовали его для профилактики: в известном в Астане торговом центре «Хан Шатыр» среди бела дня произошла бандитская разборка с перестрелкой. Арестовали всех участников и в придачу Алексея, который в это время находился в другом месте. Вся его вина заключалась в том, что один из участников разборки звонил Алексею в тот злополучный час. У Серика была почти такая же биография, как у Алексея. Он, будучи известным спортсменом, занимался всякими криминальными «разборками».

Яков, несмотря на техническую специальность, оказался весьма начитан, прекрасно знал литературу. Особенно поэзию. Слыл большим знатоком религии, постоянно читал Талмуд. В его памяти береглось немало анекдотов. Можно сказать, что на каждый случай жизни он имел в своем запасе хохму или короткий рассказ. Свободный и необидный юмор, легкость и широта мысли, непринужденность в переключении с одной темы на другую, хорошая речь привлекали Хана. Они подолгу говорили о писателях, на религиозные темы, вообще о жизни. Яков рассказывал истории из Ветхого Завета, а его любимым выражением было: «Ну, мы же дети интеллигентных родителей...» Знакомство с Яковым и их недолгая дружба, вспыхнувшая почти мгновенно, напомнили о чем-то юном и почти забытом, зашевелилась заржавевшая душевная машина.

Хану интересно было слушать и Алексея, который оттарабанил несколько лет тюрьмы. Он признавался, что заключение достает из человека зачастую что-то такое, о чем он сам и не подозревает. Черт его знает, как это получается. Хан не мог сказать, что тюрьма – это самое страшное испытание или какой-то особенный опыт, но именно здесь можно по-настоящему вывернуть себя наизнанку, понять, из чего ты состоишь на самом деле.

– Скажу я вам вот какую истину: тюремный опыт мрачный, – как-то заявил Алексей. – Хорошего в нем всего ничего. Я плюну в лицо тому, кто скажет, что там перевоспитывают. Наоборот, там человек становится еще хуже. В лагере много такого, что развращает человека, особенно женщин. Там ты опускаешься на дно жизни. Но не это самое печальное. Страшно, когда прилипаешь ко дну, когда оно засасывает тебя не только физически, но и морально. Но еще хуже, когда ты с этими понятиями шагаешь в свободную жизнь и ими руководишься на гражданке. Плохо, если мораль блатарей властвует в вольной жизни. Я стараюсь забыть свою жизнь за колючей проволокой, потому что она тянет в опасную воронку, даже диктует правила. Вот почему случаются рецидивы преступлений.

Таких откровений у Алексея было немало. Однажды он заметил:

– Брат, это тюрьма! Надо быть осторожным, очень умным и очень хитрым, чтобы уцелеть. Тут прямо как на войне. Если забудешь о своей безопасности, пропадешь! Забудьте о скромности, о своих книжках. Помните только об Аллахе, живите в реальном мире. Помогайте себе, потом опять себе и в третий раз вновь себе, а уж потом ближнему. Тут работают другие законы. Не дай Аллах вам попасть на зону. Там всё жестко! Но вы сильный человек, выдержите!

Уже после отбоя, когда сокамерники спали мирным сном, в полумраке камеры Хан вдумывался в слова соседей по несчастью. И в самом деле, человек может понять собственную индивидуальность лишь тогда, когда сомкнуты веки, когда наступает ночь, именно тьма подталкивает к глубоким раздумьям, а не солнечный свет, который кажется более привлекательным для его брэнной оболочки.

В тюрьме человек располагает временем, кроме него, у зэка ничего нет. Тюрьма – это место, где каждый обдумывает свою жизнь, свои цели. И в этом смысле неволя лучшая и проверенная школа жизни: здесь ты учишься терпению и познаешь вкус свободы, присутствие Бога. Несколько месяцев, проведенных в камере, сравнимы с десятилетиями жизни на воле. Бесспорно, в любой школе есть свои изъяны. Нелегко тем, кто невинно попадает в заключение. Им приходится выносить психологическую боль, вызванную тем, что их лишили свободы несправедливо. Хан относился именно к разряду последних. Но он, сжимая кулаки, не поддавался разрушительному влиянию тюрьмы.

Жизнь в 602-й камере в корне отличалась от всего ранее пережитого Ханом. Тут всё было размеренно, спокойно, без особых нервотрепок. Самое важное – это удачно провести утреннюю проверку, чтобы дежурный офицер не мог прикопаться к тебе или соседу, к любой мелочи, скажем, к тому, почему продукты лежат на подоконнике (спрашивается, а что, для этого есть холодильник?), почему на батарее сушится нижнее белье (а где его сушить?), почему много продуктов (что делать, если заботятся близкие?), почему плохо убираете в камере, почему плохо заправляется постель, почему в камере много бутылок от пепси-колы (в них на батарее грели по ночам воду для утреннего туалета), почему смотрите в глаза (арестанту запрещено смотреть в глаза вертухаям). Словом, таких «почему» у этих надзирателей было предостаточно. Поэтому заключенные старались, чтобы проверка прошла быстро и без эксцессов.

Самое противное было еще в том, что надзиратели, постоянно ругая арестантов 602-й камеры за обилие продуктов, очень часто сами подходили к двери и нагло просили:

– Приготовьте три обеда, подойду через пять минут.

Ничего не поделаешь! Отрывая от себя самое лакомое и вкусное, приходилось передавать продукты этим сержантам и офицерам. То же самое касалось сигарет. Каждое утро к глазку подходил очередной дежурный сержант и, будто так и надо, забирал пачку. Хан этим грязным делом не занимался. Хоть он и не курил, ему тоже друзья передавали сигареты. Он их отдавал сокамерникам, далее они попадали в карманы вертухаев.

Его каждый день вывозили к следователю, он занимался погашением так называемого ущерба. Друзья не подвели, за один день собрали необходимую сумму, привезли деньги в редакцию, передали бухгалтеру. И когда газета уже полностью готова была отправлять деньги по областям и в министерство, вдруг забуксовал следователь Сабиров. Он не знал, куда их перечислять. Или в акимат, или в казначейство... Пока решался этот элементарный вопрос, они потеряли немало времени.

Однажды следователь попросил Хана отправить в Алматы в редакцию газеты всю арестованную документацию. В двадцати ящиках! «Зачем же их сюда везли, если они не понадобились? – возмущался он. – Хоть бы для блезира вскрыли».

Пришлось Хану бегать по кабинетам и искать скотч, чтобы надежно упаковать ящики для отправки в редакцию. И эта «операция» была успешно завершена благодаря его другу, который со своим знакомым с четвертого этажа весь груз стащил вниз и поездом отправил в Алматы.

Наконец все деньги были отправлены по адресам, оставалось лишь дожидаться подтверждения получения средств.

Когда все бумаги были получены, следователь легко вздохнул и отправил Хана с конвоем в СИЗО.

Тем временем его здоровье всё ухудшалось. Ночью душили страшные приступы кашля. У Хана поднялась температура, из-за которой жгло глаза. Он с трудом ковылял до туалета, когда особенно донимала лихорадка. Моча стала темно-оранжевой. Пропал аппетит, у него уже не было сил даже перевернуться с боку на бок или сесть. Хан мешал спать соседям. Как-то он поинтересовался насчет возможности лечь в санчасть. Но сержант Аубакиров ошарашил:

– Нет проблем, хоть сейчас переведем. Но там палаты забиты туберкулезниками, харкающими кровью.

В камере было еще одно неудобство – это старые матрасы, из которых ночью сыпалась всякая дрянь: грязные крошки, песок, вата. Особенно на тех, кто спал на нижней шконке. Поэтому поутру важно было спросонья не забыть, что глаза открывать сразу нельзя, а если откроешь, потом не проморгаешься до вечера, раздерешь подглазья до красноты. Хан делал через силу переворот на живот и, нависая над шконкой, вытряхивал «ночной улов», лишь потом открывал глаза. Песок попадал и в рот. Хан спокойно выплевывал его, а остатки скрипели в зубах, напоминая о вечности, о прекрасных песчаных дюнах, даже вселяя оптимизм. Как бы то ни было, инфекция-зараза попадала на глаза, и Хан заболел конъюнктивитом. В сизовской аптеке никаких лекарств не было, пришлось опять обратиться к друзьям. Для закапывания требовалось лечь на кровать, что строго запрещалось. Поэтому процедуру приходилось совершать стоя.

И в его жизни опять наступила тишина. Его просто забыли. Он целыми днями зачитывался Драйзером, Буниным, Куприным, Чоканом Валихановым, Маргарет Тэтчер. Но такое временное затишье порой резко нарушалось блюстителями порядка. Особое разнообразие в их жизнь вносил внезапный обыск. Офицеры штаба, сержанты врываются в камеру, как лавина в горах Заилийского Алатау. Неожиданность по их инструкциям была особенно важна. Зеков срочно выводили в коридор, ставили лицом к стене. Ворошили буквально всё: матрацы, пакеты с продуктами, одежду, скрупулезно исследуя каждый миллиметр пола и стен.

Казалось бы, что можно найти в камере у людей, которые выходят только на суд да к следователю, после чего их шмонают, заглядывая даже в рот и в задницу? Что им прятать? Но, если честно, им было что прятать. Скажем, крышку консервной банки, которая прекрасно служила вместо ножа, чтобы резать колбасу. Незаконные вещи зеки с акробатической ловкостью успевали спасать, пользуясь тем, что камера, кроме основной железной двери, имела еще одну сетчатую секцию. Пока дежурный сержант возился с засовами и двойными дверьми, они успевали упрятать запрещенные вещи. Нелогичных и даже неприятных моментов в жизни СИЗО хватало. Скажем, арестантам строго запрещалось иметь бритвенные приборы. Они хранились под замком в специальном шкафу, который стоял в коридоре. Два раза в неделю дежурный по корпусу, обычно по вечерам, под расписку раздавал эти приборы на пятнадцать минут. Зеки небольшим кипя-

тильником быстренько грели воду в своих кружках, из которых потом приходилось пить чай, и брились наспех, чтобы за это время успеть привести себя в порядок. Это была скорая, но приятная процедура. Побрился – и мир снова ласков к тебе, ты чувствуешь, что жизнь продолжается.

«Ну и зачем тогда его держать в СИЗО?»

У президента страны было хорошее настроение после игры в теннис. Он легко взял два сета у своего тренера с большим счётом. Зайдя в свой кабинет, он выпил сто граммов виски, подаренного английским экс-премьером. Нажатием кнопки пригласил руководителя своей канцелярии и тут же спросил:

– Ты в курсе, что задержан журналист Жумабаев?

– Да, в курсе, уважаемый президент.

– Ну и?

– Вроде ничего не нашли.

– Ну и зачем тогда его держать в СИЗО?

Руководитель канцелярии не смог ответить на этот вопрос.

– Пусть Жумабаев напишет письмо в мой адрес, завтра его освободят без суда! Всё!

Через две недели Хана вновь повезли к следователю.

Войдя, он сразу увидел, как у того горят глаза, и спросил:

– Есть хорошие новости?

– Сейчас пойдём к большому начальнику! – коротко ответил следователь.

Причесавшись, он поправил галстук, ещё раз глянул в зеркало на свою причёску, и они поднялись на самый верхний этаж. Зашли в приёмную, и там на двери Хан прочёл: Котырбаев Марат Асханович. Руководитель Национального бюро по противодействию коррупции Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции.

Секретарша пригласила их в кабинет. Сабилов любезно пропустил его вперёд. Зашли. Их встретил невысокого роста невзрачный чиновник лет сорока. На его лице Хан не заметил никаких особых эмоций. Если ещё точнее, то лицо этого чиновника было похоже на пустой портфель – просто человек-робот. Одним взглядом он выпроводил Сабирова из кабинета.

Когда они остались вдвоём, «робот» заговорил и предложил без всяких предисловий:

– Президент страны просит вас написать ему письмо. О чём, я думаю, вас не надо учить. У вас в распоряжении один час. Потом покажете мне. На основе этого запишем ваше выступление на видео, это тоже для президента. Завтра после обеда я освобожу вас! Без суда. Вам вернут личные вещи. Авиабилет домой можете заказывать уже сегодня.

Да, закрутилась карусель! Сердце Хана учащённо забилося. Неужели уже завтра он будет дома?! Его охватило необычайно радостное и приятное возбуждение, когда кровь закипает во всём теле. Ох, как ему хотелось верить в свободу, без унижительных и оскорбительных допросов суда. Начиналась новая жизнь без того напряжения воли, которое требовалось для допроса. Он вернулся в кабинет Андрея и вместе с адвокатами сел писать обращение к президенту. Естественно, с учётом своей явки с повинной. После окончания этой противной, но важной работы его снова завели в кабинет Котырбаева. Руководитель Нацбюро молча прочёл его обращение и вымолвил лишь одно слово:

– Хорошо!

Дело было сделано. Хана повезли в СИЗО. Он прибыл в камеру очень поздно. Разделся и залез под одеяло. Приступы кашля душили его, и вспомнились слова матери о том, что человек никогда не бывает абсолютно несчастен. В ти-

шине ночи, когда за толстыми стенами каземата заунывно гудел ветер, Хан понял одно: мать была права.

Морозным декабрьским утром Хан попрощался с сокамерниками, каждый из них по традиции слегка пнул его по заднице, чтобы больше не возвращался сюда. Уходя, Хан пожелал им скорейшего освобождения, и его опять повезли в здание Нацбюро. Следователь Сабилов сразу же выдал Хану его арестованный портфель с содержимым, оба мобильных телефона, часы, деньги и удостоверения личности. Получив личные вещи, Хан был на седьмом небе. Это был настоящий сигнал и явный знак того, что он освободится сегодня.

– Авиабилет заказали? – поинтересовался следователь.

– Пока нет. Если дадите свой телефон, я позвоню родным и закажу на сегодняшний вечер.

– Да, можете заказывать. Мы сейчас с руководством поедem в Ак Орду, от туда – к прокурору города и вернемся сюда. Вы посидите с конвоиром. Если надо будет кому-то звонить, то только с моего мобильного. Ок?

– Хорошо!

Хан остался с конвоиром. Набрал телефон своей приёмной и попросил помощницу Алиму купить ему авиабилет на 20:40, на сегодня. Она не могла поверить в такое чудо, на него обрушилось столько радостных возгласов! Время оставалось, сердце его стучало как барабан. Алима отзвонилась и сообщила, что билет куплен.

А тем временем стрелка часов неумолимо ползла вперёд, вот и ещё оборот сделала, отсчитав четыре пополудни. Ещё один час прошёл! В 17:30 он не выдержал и уже со своего телефона набрал номер Махана Асылбекова – начальника канцелярии Ак Орды, человека очень влиятельного. Мало того, именно через его руки все важные документы попадали на стол главы государства. У них были хорошие отношения, Ахмет когда-то был его непосредственным начальником. Почему Хан звонил со своего телефона? Потому что Асылбеков никогда бы не ответил на звонок с чужого, незнакомого номера. Но его телефон был отключён! «Чёрт возьми!» – начал он нервничать. Второй звонок Хан сделал заместителю администрации президента Кайрату Майкенову. Его телефон тоже был отключён! Знать бы тогда, что и над Майкеновым сгустились грозные тучи, что он вскоре будет арестован и посажен в СИЗО КНБ РК. Хан почувствовал холодок в душе – смутный, неясный сигнал тревоги.

Руководитель канцелярии президента Махан Асылбеков был настолько потерян, что даже не заметил вошедшего в кабинет министра культуры и спорта. Он внимательно вчитывался в письмо известного журналиста Ержана Есеналиева, который работал под началом Жумабаева и под угрозой ареста вынужденно бежал в США. Обращение было объёмное, уже опубликовалось и получило большой общественный резонанс.

– Ты читал это письмо? – спросил Асылбеков у министра.

– Читал, конечно.

– И что думаешь?

– Хотел попросить вас замолвить словечко перед президентом, чтобы освободили Жумабаева, но после этого заявления... даже не знаю.

– Как думаешь, стоит это показывать шефу?

– Решайте сами. Но лучше перестраховаться, ведь оно может дойти до шефа и без вашей помощи.

Руководитель канцелярии, не задумываясь, занёс это письмо президенту.

Пошли последние минуты его надежды на свободу! Увы, в седьмом часу вечера в кабинет вошли конвоиры, и железные наручники с лязгом обвили его запястья.

– В СИЗО! – строго произнёс майор, старший конвоя.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Скоро его везли в промёрзшей машине обратно в ненавистную камеру. Стояла оттепель. До этого дня чуть ли не месяц держались морозы, а тут всё расслодилось, и вдобавок ко всему с утра шёл снег – большие, влажные, пушистые хлопья, – метелило. Понятное дело, какая его охватила мука: снова резь в висках, тупая боль в затылке... Вдруг раздался звонок у водителя. Кстати, он тоже был в звании майора.

– Вас просят! – И он передал трубку Хану.

– Это Жумабаев?

– Да, я вас слушаю.

– Это из Следственного комитета Нацбюро. Вы кому-то сегодня звонили со своего телефона?

– Да, звонил. Два раза. Но ни разу не дозвонился.

– Так вот, ваши звонки засекали соответствующие службы. Я завтра кишки выпущу вашему следователю за то, что выдал вам телефоны. Всё! До свидания! До Нового года!

Итак, вместо уютного семейного очага, пожалуйста, получай камеру, арестант Жумабаев! Ну что ж, ему не привыкать к таким неожиданным сюрпризам судьбы. Жаль только дочурку Улжан, которая ждёт его в аэропорту и не дожждётся! Суки, что он сделал такого, чтобы так поступать?! Он же не до-звонил-ся!!!

Сокамерники встретили его бурно. Честно говоря, им тоже такие странные моменты из тюремной жизни были вполне понятны. Что ж, Хангельды, давай обживайся, разбирай свои вещички, до Нового года ещё пятнадцать дней! Благодарим Аллаха, что кого-то другого не заселили на твоё место! Жизнь сурова и непредсказуема, светлые солнечные дни дорогого стоят и много весят. Кто способен ценить жизнь, обязан уметь ждать!

На следующее утро он проснулся до подъёма. Спать уже не хотелось. Сколько времени – никто не знал. Часов-то не было.

Хан потихоньку встал, чтобы не разбудить соседей, и начал заниматься гимнастикой, насколько позволяли здоровье и площадь. Вдруг открылся глазок, и оттуда раздался недовольный голос дежурного сержанта:

– Жумабаев, ну-ка спать. Кто разрешил вставать до подъёма?!

«Я же никому не мешаю!» – проклял он сержанта и залез под одеяло. Примерно через пять минут тот же голос объявил:

– Подъём!

Как уже было сказано ранее, не дай Аллах заболеть в СИЗО! На сей раз здоровье подвело Якова. Он не мог стоять, случился приступ радикулита. С боем и криками соседи вызвали старшего по корпусу офицера и с трудом добились разрешения для больного лечь в постель. Он не мог двигаться. Совершенно! В санчасть не возьмут, там одни туберкулёзники. Сокамерники предложили госпитализировать его в частную больницу за счёт больного. На что им ответили: «А где мы найдём столько сторожей для трёхсменной охраны?» Его состояние с каждым днём ухудшалось, офицеры не предпринимали никаких мер. На третий день явился майор, начальник медицинской службы СИЗО, сделал укол и ушёл. Через несколько дней начал выть от зубной боли Алексей. Они с Сериком готовились на этап в Державинку, и тут такая беда! В штате СИЗО не было стоматолога. Ребята еле-еле добились, чтобы врача пригласили из города. И то это им удалось лишь на второй день. Всё это время Алексей мучился, не зная, куда себя деть от боли. Врач-женщина недолго повозилась с ним, немного подлечила, но, как только больной вернулся в камеру, у него опять начались нестерпимые боли. Он крыл врача семиэтажным матом, крушил всё, что попадалось на пути. Кричал истошно. Пришлось вернуть врача. И уж после того, как она удалила нерв, он, бедный, успокоился.

Да, в 602-й были не такие ужасные условия, как в прежних камерах; здесь не голодали, сокамерники относились друг к другу с уважением, все вопросы решались мирно и по-дружески. Но всё равно они все четверо метались в спёртой атмосфере тюремного пространства, как тигры в клетке. Их мучили, терзали, изводили арестантские будни, страхи за своё будущее, тревоги за родных, убывающие надежды, нестерпимая тоска по былому благополучию и свободной жизни. Ведь СИЗО – это огромная продуманная машина подавления воли арестантов, одна из изощрённых форм тотального насилия.

Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранялись обычные её пропорции. Соотношения добра и зла, горя и радости оставались неизменными. Устав от чтения, Хан начинал шагать от стенки к стенке. Эту привычку он перенял у Алексея. Борясь с гиподинамией, он прошагал в этой камере многие километры. Кроме того, ещё Ницше сказал, что нельзя доверять ни одной мысли, которая рождена не в свободном движении всего тела. А Хану ещё надо было мыслить, чтобы психически здоровым выйти на свободу!

Тем временем Алексей и Серик, получив информацию о том, что их скоро погонят в Державинск, основательно готовились в нелёгкий путь: чинили одежду, стирали, готовили сухари и трёхлитровые банки для чая, собирали консервы и другие продукты. Хан передал часть своей одежды Серику, надеясь, что освободится вскоре после Нового года.

Если всё сложится так, как обещал начальник следственного отдела, то новый 2017 год Хану придётся встречать в тюремной камере. «Новый год в тюрьме, да, это необычно и в какой-то мере романтично», – успокаивал он себя. Дни тянулись как резина...

Это случилось 29 декабря. День выдался серым и пасмурным.

– Жумабаев, на выход по сезону!

Его, как всегда, завели в каптёрку, где он облачился в куртку и по команде конвоира «руки за спину» побрёл вперёд, неотличимый от арестанта с карикатуры советских лет. Конвоиры никогда не скажут, куда везут сидельца в наручниках. Но, глядя в окно, можно было догадаться, что его путь лежит к зданию Нацбюро. Получив пропуск, они по обыкновению поднялись на четвёртый этаж. Сабиров выглядел очень озабоченным и находился прямо-таки в пасмурном настроении. Скорее всего, весь его вид – это напускное, подумалось Хану.

– Какие новости? – спросил он.

Сабиров вместо ответа сунул в руки Хана несколько листов бумаги с убористым текстом.

– Вот, почитайте!

От заголовка у Хана похолодело на сердце, а когда дочитал, погрузился в тоску.

Ержан Есеналиев, ведущий журналист его интернет-портала, сбежал из страны, разразившись такой статьёй, после которой его точно не выпустят. «Хангельды посадили вовсе не для того, чтобы извиниться и отпустить, – писал он. – Вполне возможно, его и отпустят, но это будет результатом непростых для Жумабаева решений. Вам предстоят решения ещё более серьёзные. Казахи зашли в тупик, но отказываются в этом признаться даже самим себе, они поглощены хвастовством. Казахами я называю вас всех, все 17 миллионов граждан. И казахи останутся такими, потому что они для этого созданы...»

«Я буду у вас смотрящим!»

Хан вновь оказался в 602-й камере и сразу заметил, что верхние шконки пустые, без матрацев. «О, значит, ребят увезли в Державу», – пришла ему мысль. Но оказалось, что их погнали на прогулку. Скоро они вернулись с мороза, разгоря-

чѐнные, раскрасневшиеся. За чаем обменялись новостями и уже заканчивали, когда открылись двери и в камеру ввели новенького арестанта. Он был худощав, вертляв, невысокого роста. В руках держал свёрнутый матрац и личные вещи. Визуально он был им знаком, этот арестант содержался в 601-й камере и иногда попадался на глаза во время прогулок.

– Кантарбек! – представился он им.

Пока заправлял шконку, как бы между прочим обронил:

– Я вместо Алексея... Буду смотрящим... в этом СИЗО!

– Ну, ты врубил босса! В натуре, а зачем тут, в красном СИЗО, смотрящий? – удивился Хан и засмеялся.

Яков тоже был в недоумении. «Видимо, пацан не наигрался в детстве в войнушку. Ну, пусть поиграет, а там посмотрим!» – вот что выражало его лицо.

– Ладно, остынь и занимай свою шконку, Кантарбек. Советую, не быкуй! – добавил Хан, специально применяя эковский жаргон.

Накануне камерное задрипанное радио сообщало, что до выяснения обстоятельств на время отстранѐн от должности министр национальной экономики Куаныш Мыркымбаев. Потом радио объявило, что он задержан, затем пришла информация, что Мыркымбаев арестован на два месяца.

– Ну, ребята, нам будет веселее! Скоро к нам или в 601-ю привезут этого богатенького министра, – предположил Яков.

Действительно, скоро из 601-й камеры к ним перевели Игоря Гудина, а там оставили лишь одного рецидивиста, отсидевшего более семи лет. Причѐм в 601-й начали ремонт.

– Всѐ ясно, – поделился Хан с соседями. – Во время «ремонта» натолкают необходимую аппаратуру, а этого рецидивиста оставили для обработки Мыркымбаева.

Так и случилось. Поздним вечером открылись двери 601-й камеры, и туда кого-то ввели. Сомневаться не приходилось. Это был министр Мыркымбаев. Новые соседи, а значит, и новые взаимоотношения... Новые сокамерники вызвали в Хане противоречивые чувства. Игорь Гудин был крепко сбитым разговорчивым бизнесменом лет пятидесяти. Его уже второй раз арестовывали за последние годы, он сидел в СИЗО более семи месяцев, а обвинялся в том, что подделал договор на добычу песка. Кантарбек был скользким, жуликоватым пареньком. Всѐ время торчал у двери, фиксировал всѐ, что происходило в проходе: кто прибыл, куда зашли вертухаи, кому принесли грёв и так далее. Особенно Хана раздражало, как он шестерил перед начальством, подлизывался, передавая сержантам сигареты, причѐм общие. Сидел он за мошенничество. Рассказывал, что попался как посредник. Главным его занятием было выбиение выгодных государственных заказов на строительство в акимате Астаны. У него был знакомый крупный строитель, который, как только объявлялся многомиллиардный тендер, отправлял Кантарбека в акимат с солидным вознаграждением. Кантарбек заходил к нужному человеку, оставлял ему тридцать процентов от объѐма на строительство объекта и выходил оттуда победителем конкурса. Естественно, он и о себе не забывал, да и шеф-строитель дополнительно премировал. Так он промышлял несколько лет, пока всѐ это не стало известно Нацбюро.

С приходом новых сокамерников в камере уже не царил дух братства, единства и взаимовыручки. Участились мелкие ссоры по пустякам. Кантарбек чувствовал негативное отношение Хана к нему и отвечал тем же. Всѐ это создавало нервозность, напряжѐнную обстановку. При этом никто не поднимал шума, не ругался, просто обстановка в камере не на шутку накалялась. Пахло если не

смертью, то реальным кровопролитием. Ох, как Хан был счастлив, когда Кантарбека на несколько дней забрали в ИВС для дополнительного допроса со свидетелями. Он молил Аллаха как можно дольше продержат неприятного типа там. Но через три дня его вновь завели в камеру, и он продолжил своё прежнее бахвальство. Рассказывал, как он в ИВС подкупил одного офицера за триста долларов, чтобы тот позволил ему иметь сотовый телефон. В тюрьме, как понял Хан, судят о человеке не по тому, что он говорит, а по тому, как говорит, по взглядам и оценкам. У Кантарбека была бессмысленная речь, он умел только хвалиться: как кого-то обманул, как на ходу менял номера своей машины, как давал взятку. Однажды Хан и Кантарбек столкнулись плечами. Скорее всего, это случилось намеренно. Они только схватились, чтобы начать драку, как тут подоспели Яков с Игорем и разняли их. Через день Кантарбек одумался и при всех попросил извинения у Хана, но у Хана уже окончательно изменилось к нему отношение.

Как бы то ни было, приближался Новый год! Арестанты его ждали с таким нетерпением, что порой казалось, стоит закончиться году, кошмары их сами собой растворятся в морозном воздухе Астаны. Как и перед всякой праздничной датой, тюремный режим заметно ужесточился. Чаще обычного открывался дверной глазок, раздавался озлобленный голос: «Прекратите громкие разговоры!»

Оказалось, что Новый год – самый ненавистный праздник в тюрьме. Он живо напоминал о том, о чём не хочется думать: о вольной жизни, о праздничном застолье, конфетах, мандаринах, пломбире, оливье, шампанском и так далее. Но когда ты лишён всего этого, весь праздник превращается в жуткое издевательство. К тому же новогодние каникулы ужасно длинные, а Хан ждал своего суда, который должен был начаться сразу после выходных!

Весь последний день старого года Хан и его соседи почти не разговаривали. Каждый печально размышлял о своём. Слушали радио. За несколько часов до Нового года в их камеру заглянула дама из администрации СИЗО и сообщила, что среди арестантов объявлен конкурс на лучший рассказ: «Как я встретил Новый год». «Можете писать прозой, можете и стихами», – добавила она.

– Не это ли высшее издевательство?! – произнёс Хан и недовольно махнул рукой.

Ещё днём Кантарбек предложил:

– Братаны, как вы смотрите, если я закажу бутылочку водочки?!

Это была его очередная бравада. Мужики понимали, что такое невозможно. Все приняли брошенную фразу за очередное чудачество хвастливого соседа и не стали обсуждать его бесшабашное предложение. В десять вечера объявили отбой. Зеки тихо улеглись на своих тюремных шконках и старались уловить невидимое течение времени, но это было не так просто. В эти волнующие и особые минуты, когда уходил злой и ненавистный для всех старый год, Хан стал считать удары сердца, вдохи, шаги вертухая за дверь – все эти вполне реальные звуки заменили ему часы! И где-то через час странное чувство овладело всеми, заставило подняться со своих шконок, протянуть друг другу руки и чокнуться жестяными кружками, в которых булькала вода:

– Скорейшего освобождения! – пожелали они друг другу.

Когда наступил Новый год, они уже спали крепким сном. От их камеры в конкурсе принимал участие только Яков. Он написал стихотворение и через несколько дней получил благодарность от администрации СИЗО, завоевав первое место среди арестантов. Среди шестисот человек!

«Без комментариев»

В первых числах января досудебное производство в отношении Жумабаева Хана было наконец завершено и направлено для рассмотрения по существу в Специализированный межрайонный суд по уголовным делам Астаны. Ему было предъявлено обвинение в вымогательстве. Хан с утра был предупреждён, что у него сегодня суд, поэтому возглас вертухая: «Жумабаев, по сезону на выход!» принял как должное.

– Ну что же? Суд так суд! С Богом! – сказал сам себе и по привычным коридорам, проволочным лабиринтам зашагал под конвоем на «колокольню».

После проверки его проводили к другому выходу, завели за проволочное ограждение, поставили лицом к стене. Там он простоял около десяти минут, пока подошедший конвоир с автоматом и в маске не сказал ему: «На выход». Рядом появился второй конвоир, легковоружённый, он, как настоящий фокусник, извлёк наручники, пристегнул его руку к своей и без лишнего слов потащил вперёд. Дверь автозака была заранее открыта, в лицо ударил яркий свет прожектора. Включился мотор. Хан, уже успевший отвыкнуть от городской жизни и её нюансов, сразу почуял родной запах выхлопных газов. Его конвоировали семь вооружённых парней в масках. Большие пальцы они держали на рукоятках автоматных затворов. Стволы были новые, со складными прикладами. Конечно, Хан был для них преступником, их задача – живым доставить его в суд.

– Пошёл!

Жёсткая рука одного из конвоиров безжалостно схватила его за шею, а вторая заломила руку назад, и он вынужден был не войти, а нырнуть головой вперёд, в глубь холодного и мрачного «стакана» автозака. Так вот он какой, этот «чёрный ворон»! Крытая, выкрашенная в темно-зелёный машина. Сколько раз он видел такие автомобили на улицах Алматы и никогда не задумывался о том, что в них перевозят эков. Внутри машина была разделена на тесные неосвещённые клетки-кабинки. В каждую запирали строго одного арестанта. «Чёрный ворон» отапливался бесплатно – теплом исхудавших человеческих тел. Вот в таком железном ящике его и доставили на суд.

– Пошёл!

Он прыгнул вниз. Опять сладковато-мирный запах выхлопных газов защекотал ноздри. Жестокий январский мороз немедленно схватил его за голые кисти рук. То же самое совершил и конвоир. Щелчок, обжигающий холод и боль от ледяного металла наручников.

Машина подъехала очень близко к крыльцу здания суда. От автозака до двери суда всего пять-шесть метров. Шесть автоматчиков в масках быстро организовали живой коридор, не оставляя ему никаких шансов для бегства. Пятна изморози белели на чёрной ткани возле их ртов. Несколько шагов, и он внутри помещения, куда вольный человек просто так не попадёт.

Хангельды не сомневался, что суд пройдёт без сучка и задоринки, ибо верил обещаниям руководства Антикорра при подписании явки с повинной, что он выйдет из зала суда без обвинительных статей, без судебного наказания. Уже внутри здания его приковали к персональному конвоиру. Старший охраны, высокий подтянутый блондин с шальными глазами, внимательно изучил его и строго сказал:

– Разъясняю порядок движения. Строго соблюдать приказ начальника конвоя. При неподчинении применяются газ, резиновые дубинки – без предупреждения. Вам всё ясно? Вперёд!

По глазам безжалостно ударил свет телевизионных камер. Слева толпились знакомые журналисты. Больше всех суетились телеоператоры, держа над головой свои камеры. Торчали на длинных штангах чёрные груши микрофонов. Слушание дела Жумабаева взбудоражило чуть ли не всю страну, поэтому жур-

налистов в зал набилось много. Его буквально протащили мимо этой шумной толпы. Среди сидящих в зале заседаний увидел родных, кивком поздоровался и отвернулся.

Хана завели в сеточную камеру, перед ним чуть ниже уже сидел его единственный адвокат, Амантай Асан. Напротив за длинным столом расположился невозмутимый прокурор. Чтобы как-то придать не слишком просторному судебному залу более солидный вид, в нём соорудили какие-то деревянные возвышения, на которые установили столы. Но в зале не было ничего лишнего: ни картин, ни плакатов. Зная, что будет немало журналистов, к задним креслам приставили громкие скамейки.

Прошёл судья – худой, с тонкой шеей и несоразмерно большой лысой головой. Его сопровождал не по возрасту полный молодой пристав, похожий на бульдога.

– Прошу встать! Суд идёт! – произнёс он дребезжащим голосом.

Наконец настал час Хана! Он вновь напряжённо взгляделся в физиономию судьи. Да ничем особым не отличается от других, но взгляд... Пустой и безразличный. Да иначе и быть не могло! Разве можно нести такую рептильную службу ежедневно, не отгородив себя чем-то от честных людей? Ну, хотя бы таким равнодушным взглядом!

До начала слушания к операторам многочисленных телеканалов подошёл конвоир и настойчиво попросил не снимать происходящее. На возмущения ответил, что это требование судьи. Хан, не особо сведущий в судебных делах, понимал, что ему предстоит пройти через серьёзный спектакль, в котором ему безжалостно уготована главная роль. Но он не знал, что сегодняшнее заседание – это лишь предварительное слушание по делу. Адвокат Хана заявил, что СМИ Жумабаева в полном объёме возместили ущерб, все четыре стороны обвинения не имеют никаких претензий к подсудимому. Поэтому он обратился с ходатайством об освобождении подзащитного от уголовной ответственности. Однако прокурор выразил протест на заявление адвоката Хана. Судья также не согласился с мнением адвоката и сообщил, что дело Жумабаева должно быть рассмотрено на последующих основных слушаниях.

– Ещё рано выносить решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с признанием вины. Этот вопрос прояснится не на предварительном слушании, а на заседании, где будет рассмотрено уголовное дело, – вынес решение судья.

Хан до глубины души был разочарован, потому как он рассчитывал – по обещанию Антикорра – на скорое, буквально однодневное, завершение всего процесса. На этом предварительные слушания завершились, и Хана увезли в СИЗО.

Главное заседание началось через пять дней в специализированном межрайонном суде по уголовным делам по городу Астане. Председательствующий судья в начале слушания задал вопросы сторонам процесса. Прокурор ходатайствовал о закрытом режиме, его поддержали потерпевшие. Одним из первых суд допросил руководителя управления внутренней политики Южно-Казахстанской области Раю Трухамбетову. Суть её показаний свелась к тому, что никаких денег у неё Жумабаев не вымогал, а лишь просил, на что суд, впрочем, не обратил особого внимания. Потом прозвучала фамилия министра энергетики. Сторона обвинения считала, что для того, чтобы получить средства от Минэнерго, Жумабаев публиковал нелицеприятные материалы в его адрес. Следовательно обвинял издание Жумабаева в том, что после беседы главного редактора с пресс-секретарем министерства Аманом Жолдыбаевым газета Asia Times получила от министерства два миллиона тенге. Но и тут вышел казус из-за совестливости и принципиальности чиновника. Он твёрдо заявил, что со стороны Жумабаева не было

никакого вымогательства. Хотя под давлением Антикорра и самого Жумабаева он уже писал заявление обвинительного характера.

Судья пришёл в ярость, но поделаться уже ничего не мог. Хан заявил, что признаёт факт обращений, но по всем тендерам у него были предварительные договорённости, причём на уровне первых руководителей и без всякого давления. Один за другим свидетели заявляли, что каких-либо угроз или требований Хангельды Жумабаев не высказывал. Гособвинителю приходилось клещами вытягивать из пришедших подтверждения злокозненности главного редактора газеты Asia Times. Вместе с тем в ходе судебного разбирательства выяснилось, что все четыре стороны претензий к Жумабаеву не имеют.

Также в суде рассматривали вопросы по имуществу. Судья объявил, что Жумабаев владеет квартирой, земельным участком, двумя гаражами и автомобилем. Хан пояснил, что квартиру в Алматы приобрёл четыре года назад на накопленные средства, и подчеркнул, что деньги, полученные от госзаказа, направлялись только на развитие газеты, а не на личные нужды. Кроме того, было объявлено, что в собственности журналиста и его супруги имеются два гаража в Алматы, а также Mercedes-Benz S500, приобретённый два с половиной года назад. На машину наложен арест. При личном обыске у Хана была изъята небольшая сумма денег: 25 тысяч тенге и 200 долларов.

Дальше прокурор начал сыпать вопросами, терроризируя Хана, правда, ничего нового они не принесли. Вообще, суд выявил огромное количество вопиющих нарушений... в работе госорганов. Чего стоят хотя бы признания чиновников в несоблюдении правил проведения госзакупок. А то, что госслужащие, пытаясь спасти имидж ведомств, шли на поводу у СМИ, должно было заинтересовать Антикоррупционное бюро. Но этого не произошло. В кулуарах суда журналисты поинтересовались у прокурора:

– Почему не возбуждается дело в отношении тех, кто совершил коррупционное преступление?

Услышав вопрос, прокурор изменился в лице и буркнул:

– Без комментариев.

Судья объявил перерыв, сказав, что прения по этому делу состоятся 23 января. Хан возвращался в СИЗО как выжатый лимон. У двери его встречали сокамерники:

– Знаем, знаем всё! «Авторadio» уже сообщило о вашем процессе. Лучше попейте чайку, – подбадривали его сокамерники.

23 января Хан выступил с последним словом:

– Уважаемый суд, уважаемые участники процесса! Вы очень подробно рассказали о моих деяниях, я думаю, что процесс никаких вопросов не вызывает, я чистосердечно и подробно рассказал обо всех перипетиях своего дела. Думаю, каждый из вас осознал, что тут нет никакой моей вины. Не надо быть юристом, достаточно оставаться просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против меня – это детский лепет, который любой адвокат разобьёт шутя. Но в ходе процесса я чётко понял одно: мне не доказать своей правоты, в Казахстане ни во что не ставят доводы адвокатов. Их просто игнорируют. В ходе предварительных слушаний через моего адвоката передавали сведения о том, что следствие и суд ведутся под неусыпным наблюдением не только городского прокурора, но и самых высших чинов юстиции и власти, что мне не следует называть имена высокопоставленных людей. Да, я нарушил эту просьбу. Мне нужно было высказать правду. Думая о семье, о своих малолетних детях, которым три года и четыре месяца от роду, я вынужденно пошёл на сотрудничество со следствием, причём без согласования со своими адвокатами, оговорил себя, взяв на свои плечи часть вины.

Следствие обещало, что суд состоится и что из зала суда я выйду «чистым», без всякого наказания. Поэтому я надеюсь, что вы, ваша честь, господин судья, с пониманием отнесётесь к моей судьбе, судьбе моих маленьких детей и примените законное и справедливое решение!

– Суд удаляется на совещание, – объявил судья, и все участники спектакля встали, лениво разминая затёкшие от сидения ноги.

Хана оставили под конвоем в «обезьяннике». После небольшого перерыва судья вернулся в зал с голубой папкой. В ней лежал приговор за совершенные «преступления», означающий неотвратимое возмездие за совершённые «злодеяния» Хана.

Когда судья начал зачитывать приговор, Хан стоял абсолютно спокойно. Он пошёл на соглашение, оговорил себя, и вот теперь его ждал окончательный финал этого спектакля. Он интуитивно ощущал, что всё пошло не так, как договаривались с финполовцами. Разболелась голова, грудь сдавило: на него навигалась какая-то неведомая сила, готовая захлестнуть целиком. До него вдруг донеслись слова «...немедленно освободить из зала суда...».

«Немедленно освободить из зала суда», конечно же, звучало прекрасно. Хан обрадовался, но то была грустная радость – адвокат показал ему текст приговора:

«Хангельды Жумабаева признать виновным в совершении преступления, предусмотренного статьёй 194, часть 4, пункт 2 Уголовного кодекса РК. По данной статье назначить с применением части 4 статьи 55, части 3 статьи 50 Уголовного кодекса наказание в виде ограничения свободы сроком на пять лет с лишением права занимать должности в органах местного самоуправления, руководящие должности, связанные с организационно-распределительными материально-ответственными функциями на государственной службе и в коммерческих организациях сроком до 10 лет. Хангельды Жумабаева немедленно освободить из зала суда».

Это означало, что в отношении него был установлен пробационный контроль на пять лет. Он не должен был менять постоянного места жительства и работы без уведомления уполномоченных госорганов, не имел права выезжать без разрешения за пределы Казахстана, посещать массовые мероприятия и участвовать в них. В случае отсутствия места постоянной работы осуждённый должен был привлекаться к принудительному труду на срок не более 240 часов в год. Плюс ко всему, его лишали права занимать руководящую должность в органах местного самоуправления, на государственной службе и коммерческих организациях сроком до десяти лет! Суд отменил арест на собственность Хана.

Хан не чувствовал удовлетворения, он договаривался с руководством Нацбюро, что возьмёт на себя четыре эпизода и погасит материальный ущерб с тем, чтобы выйти на свободу без судебного наказания! А что в итоге получилось? Выходит, его облапошили?! Зачем ему надо было оговаривать себя, брать несуществующую вину, погашать огромную сумму за уже отработанный и подписанный заказчиками контракт всего коллектива, если в конце концов ему всё-таки впаяли срок?! Вот такая причудливая и парадоксальная жизненная петля затянулась на его горле в зале суда. Горечь обиды, беспросветное отчаянье так сковали душу, а надо было отвечать на вопросы журналистов, которые дожидались на выходе из зала. На вопрос, останется ли он в журналистике, Хан сказал: «Без комментариев».

«Пусть ещё немного подышит свежим воздухом!»

Шеф Антикорра Ермек Алдамжаров сидел в своём кабинете. Элегантно небритое лицо украшала улыбка, а широкий, несколько вздёрнутый нос чуть вздрагивал от приятной новости, которая поступила после обеда: завершился суд над

журналистом Жумабаевым. В итоге он лишился места главного редактора газеты, потерял не только свои СМИ, но и депутатство в маслихате Алматы. Алдамжаров был доволен ещё и тем, что ему через свои связи удалось добиться именно такого обвинительного решения суда. А ведь тот ещё месяц назад мог выскочить из СИЗО без всякого наказания. «Я переиграл президента, не получилось так, как хотел он!» – потирал руки шеф Антикорра. Алдамжаров любил играть с людьми, как кошка с мышью. То, что скоро Хангельды сядет надолго, он решил твёрдо. А пока... пусть Жумабаев ещё немного подышит свежим воздухом.

На улице Хана ждали друзья и родственники. Они были безумно счастливы, обнимали и целовали его. Подходили коллеги, незнакомые люди. Было морозно, начиналась январская метель. Середина зимы принесла в Астану ледяной мороз, какого тут не видели много лет. Хану, одетому легко, пришлось выдерживать капризы северного климата. «Немного осталось», – успокаивал себя он. Радостные лица друзей резко изменили его отношение к тому, что случилось двадцать минут назад. «Слушай, Хангельды, – подумал он, – сидя в тесной и вонючей камере, ты же мечтал о такой минуте? А ведь тюрьма могла сжевать, проглотить тебя, закинуть в свою утробу! Ты же мог разложиться на составные части и проиграть окончательно. Да, видит Аллах, ты сражался изо всех сил! Ты вложил в эту драку всего себя. Был упорен, терпелив, ты всё выдержал! Очнись, побойся Аллаха! Ты же счастлив, счастлив стократно! Потому что вынес из СИЗО не только относительно целые руки и ноги, глаза и уши, но и целёхонькую душу, способную любить и презирать, негодовать и восторгаться. Ты посмотри на себя, тебя же переполняет чувство благодарности к Аллаху. Он тебя не забыл! Это же не сон! Оглянись вокруг, рядом друзья, которые тебя провозжали в тюрьму и вот встретили!» Друзья соединили его по телефону с женой Ажар, с Айнурой и старшей дочерью Анарой, он сообщил, что уже на свободе, завтра с утра прилетит домой.

Надо было выполнить просьбу сокамерника Якова, который попросил, чтобы он после освобождения обязательно заглянул с друзьями в его ресторан «Тбилиси» и выпил хорошей водки. Они позвонили туда и на вечер заказали стол. А сами поехали в здание Нацбюро: надо же получить портфель, удостоверение личности, телефоны, часы и деньги. Поднялись к следователю Сабинову. Конечно же, он заранее знал результат суда, поэтому вёл себя подобающим образом.

– Ханеке, личные вещи я не могу вам выдать! Только после того, как решение судьи вступит в силу. А это пятнадцать суток. К тому же ваше удостоверение личности не у меня, – поразил их ответом Сабинов.

– Скажите на милость, как же мне покупать билет на самолёт? К тому же я на вечер пригласил друзей в ресторан. Верните мои деньги!

– Ну, это дело хозяйское! Решайте сами, – безапелляционно заявил следователь.

Поднялись к начальнику следственного комитета. На возмущённый вопрос Хана, почему они не выполнили своё обещание выпустить его из СИЗО без судебного наказания, тот был краток:

– Хангельды Жумабаевич, но вы же на свободе! Что ещё надо? – Лицо его не дрогнуло, чувствовалось, что ему не привыкать обманывать людей.

Хан с ненавистью глянул в морду этого следака, не стал пожимать его руку, молча покинул кабинет. На душе было противно, будто кто-то плюнул в лицо.

– А где же может быть моё удостоверение? – спросил он Амантая.

– Скорее всего, в СИЗО. Поехали туда, тем более надо забрать ваши вещи. Оставлять их нельзя – плохая примета.

Пришлось ехать в ненавистное СИЗО, надеясь, что удостоверение личности находится там. Однако и на месте им сказали, что у них нет удостоверения Хана. Позже выяснилось, что оно находится у судьи и выдадут его только через пятнадцать суток, когда решение вступит в законную силу. Пришлось вновь звонить жене и просить её срочно отправить в Астану паспорт. Только после этой нервотрёпки Хан с друзьями поехал в ресторан. Когда закончили, оказалось, что заказана ещё и баня. После СИЗО хорошенько попариться – самое то! Хан начал оживать.

После бани поехали домой к друзьям на бешбармак. Как всё же мало надо для счастья. В зависимости от жизненных обстоятельств неизменно приходится снижать, во всяком случае, сдвигать свои представления о достижении счастья, помещая их не в область ума или фантазии, а в сферу элементарных вещей – таких как встреча с друзьями, уютное застолье, мягкая постель, предстоящая встреча с семьёй. Проснулся на следующий день довольно поздно и никак не мог понять: где он? Какая-то незнакомая квартира, дома – никого. И только после ста граммов водки понял, что отдыхает у друга. Ещё день назад Хану казалось, что мир для него рухнул, восторжествовала несправедливость, ужас жизни достиг такого предела, что не хотелось жить. А теперь не смог сдерживать слёзы от радости освобождения, гнева, тоски по родным, они полились рекой...

Вечером Хана посадили на поезд «Тальго», следующий в Алматы. Его попутчиком в вагоне был молодой парень. Хан пригласил его в вагон-ресторан, и они за бутылкой водки проговорили до двенадцати ночи, Хану так хотелось излить душу! В купе вернулись поздно и заснули крепким сном. Утром у каждого болела голова, организм требовал дополнительной порции спиртного. У Хана ещё оставались деньги, и он опять пригласил попутчика в ресторан. Хан смотрел в окно, и его душа пела... Вокруг стлалась гладкая, как скатерть, степь со скудной порослью порыжелой прошлогодней травы, слабо колыхающейся на утреннем ветру. Он благословлял в снежной степи каждый кустик, каждое деревце, каждый мелькающий столб. Даже когда начинал дремать под мерное движение поезда, и во сне его не оставляло это клокочущее и радостное чувство.

Завиднелись редкие дома в окрестностях Алматы. Сердце Хана стучало в ритм колёс, в груди щемило от предвкушения встречи с родными. Состав вот-вот остановится. Хан решил не спешить с выходом из вагона, но сосед торопил: «Ханеке, мы приехали!» Хан ощутил, как ускорилось сердце. Механически, с ощущением нереальности происходящего оделся, нашёл портфель. Посмотрел – на перроне уйма знакомых и родных. Громко крикнул:

– Главный рэкетир страны вернулся, друзья! – и утонул в объятиях близких.

Саттар посадил Хана в машину. Он чуть совсем не потерял веру во что-то хорошее, доброе. А между тем вот оно – счастье! Он едет в родной ДОМ! До чего же уютен и чуден их двор! Как приятно в подъезде, на стенах висят картины, вкусно пахнет бешбармаком! Дверь в их квартиру была отперта.

– Радость моя, я вернулся!

Крепко обнял и поцеловал жену Ажарку, дочурку Улжан, стремглав прибывшую к нему со словами «Папа! Папа!». Поцеловал подросткового сына Арлана. И всем своим существом ощутил острый прилив счастья. Не радости, не удовольствия, а именно СЧАСТЬЯ!

Он дома, на свободе! Так завершилась его тюремная эпопея.

Или он так думал.

Часть вторая

РЕАНИМАЦИЯ ДЕЛА: АД ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Коварные планы

Лето было на исходе, заканчивался сезон отпусков, и грядущая осень требовала от шефа Антикорра Ермека Алдамжарова, как это случалось каждый год, большей активности в работе. Алдамжаров любил строить свои коварные планы в тиши кабинета, в одиночестве. Его мучила одна проблема. Преследовала как мигрень. Этой проблемой, этим наваждением был всё тот же журналист Жумабаев, который наслаждался волей в солнечном Алматы. Алдамжаров чувствовал в себе силы для больших дел. Его изощёренный мозг стоял за десятками заговоров, арестов высокопоставленных лиц страны. Он обращался с людьми безжалостно и беспощадно. Его амбициозность вкупе с уверенностью в том, что сила воли и трудолюбие могут привести к большим победам в схватках с другими силовиками, рвались наружу и требовали новых жертв, новых побед. Он с каждым днём брал вверх над слабовольным генеральным прокурором, и своё превосходство и влияние решил использовать на все сто процентов в деле Жумабаева.

Алдамжаров пригласил своего доверенного юриста Алену Кунсель, наказал ей подготовить проект протеста генерального прокурора в отношении Хангельды Жумабаева и дал свои наброски, над которыми корпел прошлой ночью. Кунсель ничего не стоило смастерить такие бумаги, она была просто мастак по этой части. «Впрочем, по части женской ласки тоже», – усмехнулся про себя Алдамжаров.

– Как завершишь – покажешь. Вперёд! Через час жду с готовым документом.

Он набрал телефон генерального прокурора Алданова и сообщил, что к нему сейчас заедет человек. Он был уверен, что генеральный прокурор беспрекословно исполнит просьбу. «Пусть только попробует отказать! На него у меня море компромата!»

Алена Кунсель на шикарной машине прибыла к зданию республиканской прокуратуры и аккуратно исполнила приказ, добавив перед уходом: «Шеф всё согласовал с ноль-первым и Алимовым». И «колесо справедливости» закрутилось!

...Август 2017 года в Алматы выдался жарким и душным. Хан вернулся с работы и возился с годовалым сыном. Арлан пытался встать на ноги. Шаг, второй, и тут же опускался на ковёр и беспомощно смотрел на отца.

– Что, силёнок мало?

Вдруг на телефон Хана поступило сообщение: его вызывают в Верховный суд 22 августа сего года на 10 часов. Далее – телефон и фамилия информатора. В сердце ёкнуло, но тут же пришла более оптимистичная мысль: «Наверное, там, во власти, одумались, поняли, что напрасно вынесли наказание, поэтому решили снять судимость!» Эта мысль ему понравилась. Нестерпимо захотелось узнать причину, и Хан набрал номер, указанный в сообщении. Ответил молодой женский голос:

– Слушаю вас!

– Это звонит Хангельды Жумабаев. Я получил сообщение от вас. Неужели Верховный суд хочет мне сделать приятный подарок – снять судимость?

Несколько секунд в трубку молчали, скорее всего, размышляя, как ответить.

– К сожалению, всё наоборот. Вам хотят добавить срок, причём немалый.

Хан хотел со всей силы бросить телефон на пол, но раздумал.

– С какой стати? Я же не нарушал закона. Суд состоялся только в январе!

– Хангельды Жумабаевич, это вопрос не к нам. Генеральный прокурор Алданов внёс кассационный протест в Верховный суд. Он счёл, что приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам г. Астаны от 24 января был слишком мягкий, и просит изменить его.

– Вы можете мне выслать текст протеста? Запишите, пожалуйста, мой электронный адрес.

– Без проблем. Сейчас же вышлю.

Через несколько минут он уже вчитывался в безжалостные строки протеста генерального прокурора, требовавшего лишить Хана всех государственных наград, конфисковать имущество и посадить на семь лет! Хан был в шоке. Что за бред? С момента освобождения он ни разу не нарушил установленный судом режим ограничений. Никаких новых обвинений ему не предъявлялось. При этом ни о каких-либо новых доказательствах его виновности в протесте генерального прокурора не говорилось. Всё было голословно. Что же могло послужить причиной для подачи такого протеста спустя семь месяцев? Что изменилось с тех пор? Хан успокоился и начал анализировать. Итак, первый вопрос, может ли прокуратура как сторона гособвинения вынести протест на решение, принятое с её же собственной подачи? Нет, конечно. Это же нелепица, абсурд! Но ситуация, возникшая в коридорах астанинской власти, показывает, что возможно и такое. То есть семь месяцев назад сторона гособвинения посчитала, что вынесенное ему наказание полностью соответствует «основным принципам уголовного законодательства», а сегодня она же, противореча самой себе, заявляет, что «не соответствует». Так в чём причина столь странной метаморфозы? Насколько это сочетается со здравым смыслом? А главное, насколько это законно?

Хан посидел в тишине несколько минут, потом всё же решил поделиться новостью с женой. Скрывай, не скрывай, всё равно узнает, лучше сразу сказать.

– Ажекеня, прошу тебя, не переживай, пожалуйста, сильно. Меня опять вызывают в Верховный суд. Поеду – разберусь.

У жены резко запали глаза, она вся съёжилась.

– Да что же это такое? Сколько же можно нас мучить?! Вы же получили свой срок! – выкрикнула она отчаянно и, рыдая, бросилась в спальню.

– Радость моя, не плачь! Разберёмся, – успокаивал он её, обнимая за плечи. – Они не смогут взять меня так просто! Поборёмся! Надо лететь в Астану! В Ак Орду!

Он набрал номер помощника Самата Кожина, заместителя руководителя Администрации президента, который курирует вопросы идеологии, и сказал, что ему срочно надо встретиться с его шефом.

– Хорошо. перезвоню, – коротко ответил помощник и через некоторое время сообщил, что его примут 17 августа в 11 часов.

Ждать ещё целых четыре дня, когда у него в запасе всего неделя! Хан сел в машину и поехал к друзьям. Собралось несколько человек. Все оказались едины в мнении – надо лететь в Астану и встречаться с людьми, которые смогут убедить президента сделать так, чтобы псевдодоброцы с коррупцией прекратили преследование.

За Ханом началась грубая и тотальная слежка. Охрана дома по секрету сообщила его водителю, что какие-то люди неусыпно следят, даже приходят по ночам: блеснут своей корочкой и дежурят до утра, меняясь по очереди. Действительно, по утрам Хан безошибочно определял их среди спешащих на работу соседей. Они явно выделялись. Им было невдомёк, что Хан с женой

видят их из окна своей квартиры с четвёртого этажа. Как только он выезжал со двора, они мигом садились в свои машины и следовали за ним. И весь день дежурили чуть в сторонке у офиса газеты. Эти круглосуточные бдения нервировали не только Хана и его семью, но и коллег по работе.

Как предписывает закон, Хан обратился в пробационную службу своего района с просьбой разрешить ему вылет в Астану на один день для встречи с Саматом Кожиным. Разрешение было получено без проблем. 17 августа первым утренним авиарейсом Хан прибыл в столицу. Сразу же встретился со своим адвокатом Амантаем. Оказывается, тот тоже получил уведомление о протесте и был крайне удивлён. Говорил, что в его практике такого случая не было. Обсудили создавшуюся ситуацию, решили встретиться вновь после визита в Ак Орду. Кожин тоже был озадачен:

– Нет, Хангельды, я не в курсе. Меня это сильно напрягает! Только успокоили общество и СМИ после вашего суда, и вот затеяли новую ахинею! Когда суд, говорите?

– Двадцать второго августа!

– Да, времени очень, очень мало! Что же вы тянули, ведь с четырнадцатого августа прошло столько дней?

– Тут нет моей вины, Саке! Я сразу же позвонил вашему помощнику и попросил о встрече с вами. Он сказал, что вы можете принять только семнадцатого августа. Понятно, что о цели встречи я не мог сообщить по телефону.

– Ясно! Надо было бросить все дела и лететь сюда!

– Я предполагал, что вас проинформировали одним из первых и, грешным делом, уже подумывал, что все эти шаги согласованы с вами, что вы согласились с таким решением генпрокурора. К счастью, это в какой-то мере меняет ситуацию. Значит, круг моих недоброжелателей весьма узок, и они хотят втихаря и срочно упрятать меня за решётку.

– В том-то и дело. Звонил недавно президент. К нему приходил ректор Казагроуниверситета Илектес Бесполов, знаешь же, в каких они родственных отношениях. Тот, оказывается, пожаловался, что вы собираетесь критиковать его в своей газете за упущения в работе вуза. Как он об этом узнал, не представляю. Я успокоил президента, сказал, что переговорю с вами. Больше никаких нареканий не было. Ещё звонил премьер-министр, он в обиде на вас за критику в газете. Но это мелочи, не думаю, что он инициировал этот протест.

Кожин чуть задумался. Потом начал рассуждать вслух:

– Так-так... Давайте вспомним, кого же из самой верхушки вы критиковали в последнее время? Аминова – нет, Алдамжарова – нет, Сейфуллина? Да, была одна статья, где вы в целом поддержали его, но, если внимательнее вчитаться, можно заметить подводные камни, которые могли его настроить против вас. Неизвестно, как он это воспринял. Так, по-моему, больше никого из самой верхушки ваша газета не критиковала. Надо переговорить с самим генпрокурором.

– Соедините меня с Алдановым, быстро! – попросил он приёмную.

Стали думать, как исправить эту непростую ситуацию, что срочно принять.

– Его нет на работе, Самат Муханович, – ответила приёмная.

Хозяин кабинета вскипел.

– Да найдите мне его, где бы он ни находился! Есть же у него сотовый!

– Мы звонили на сотовый. Только что из его приёмной сообщили, что он отпросился у самого президента. У него сегодня день рождения.

– Ладно! Вы написали письмо на имя шефа?

– Да.

– Хорошо, дайте посмотрю.

Хан передал ему письмо, в котором писал, что если причина возобновления его дела – критика властей, то он готов прекратить свою журналистскую и издательскую деятельность, лишь бы его оградили от судебного преследования – ему меньше года до пенсии и у него малолетние дети.

Кожин, щурясь, бегло пробежался по тексту, потом добавил:

– Завтра шеф проводит совещание в Боровом с акимами областей. Просил меня там выступить. Я постараюсь переговорить с ним, передать ваше письмо.

– Спасибо большое, Саке! Если это поможет – я готов хоть сегодня оставить журналистику.

– Нет, вы не торопитесь с этим предложением. Его мы оставим на крайний случай. А сейчас летите домой. Я вам позвоню.

«Тут чувствуется чужая рука»

Самат Кожин был вне себя после встречи с Жумабаевым. Он знал Хана ещё с начала 90-х, ценил за профессионализм, принципиальность и честность, он никогда не подводил. Его задевало, что силовики залезли в его удел – идеологию. «Им своих дел не хватает, что ли?! Только успокоили общество, и на тебе! Каким местом они думали, когда затеяли это?!» Кожин редко звонил президенту по прямому телефону. Но тут решился.

– Уважаемый президент. Прошу прощения за беспокойство. Хотел зайти к вам по одному важному вопросу. Знаю, что мы завтра встречаемся в Боровом, но, полагаю, там у вас не будет времени...

– Хорошо, заходи после обеда.

Президент принял Кожина в благостном расположении духа. По всему было видно, что он с уважением относится к своему интеллектуальному соратнику, долгие годы работавшему в администрации заведующим отделом внутренней политики, государственным секретарём, руководителем секретной службы, послом в России. Президент знал, что тот никогда не подведёт, что Кожин обладает редким качеством: он предан общему делу и ответственен во всех порученных делах. «На какие бы кручи и в какие бы низины я его ни направлял, он всегда выходит победителем», – повторял президент, когда отзывался о Кожине.

– Слушаю тебя, Самат, – с теплотой в голосе начал он.

Голос президента – это особый наркотик, об этом прекрасно знал Кожин, досконально изучивший все нюансы характера своего давнего шефа. Атмосфера канцелярщины, царившая в большом и шикарном кабинете, вмиг исчезла, сразу почувствовалось дружеское расположение. Разговор принимал тот оборот, к которому стремился Кожин.

– Уважаемый президент. Вы же в курсе, что зимой состоялся суд над Жумабаевым? Ему дали срок – пять лет ограничения свободы. У него забрали газету, портал, лишили депутатства, хотя он ни в чём не виноват. Я его знаю давно.

– Я тоже знаю его неплохо. Сам вернул из эмиграции, помог создать газету, должен заметить, она популярна и объективна.

Президент посмотрел на собеседника. В его зоре можно было прочесть: да, я с тобой согласен насчёт Жумабаева.

Поймав понимающий взгляд президента, Кожин продолжил:

– На днях генеральный прокурор вынес протест в отношении дела Жумабаева. Он посчитал, что зимний приговор слишком мягкий, и попросил Верховный суд изменить и назначить ему наказание в виде семи лет лишения

свободы с конфискацией имущества, лишить всех наград. Извините, уважаемый президент, это какой-то бред. Я хотел переговорить с генпрокурором, но, оказывается, он отпросился у вас. Всё голословно. Никаких новых доказательств вины Жумабаева или отягчающих обстоятельств. Жумабаев ни разу не нарушил установленный судом режим.

– Я всё понимаю. Тут чувствуется чужая рука. Вы же сами знаете, что сегодняшний наш генпрокурор – игрушка в руках Ермака Алдамжарова. Хорошо, я скажу, чтобы остановили это беззаконие...

Хан поблагодарил Кожина и поехал на встречу с адвокатом. По пути на его телефон поступило сообщение. Верховный суд информировал о том, что рассмотрение кассационного протеста генпрокурора о пересмотре судебных актов по его уголовному делу переносится на 29 августа, на неделю позже, в связи с необходимостью дополнительного изучения материалов дела.

– Уф, – с облегчением выдохнул Хан. – Видно, мой визит в Ак Орду заставил задуматься врагов.

После короткой встречи с адвокатом Хан поехал в аэропорт и улетел домой. А в Алматы продолжилась слезка. Куда бы он ни поехал, там его ждала машина «друзей». Он даже начал снимать их на видео, фотографировать. Однажды даже подошёл, открыл дверь джипа и прямо спросил у сидящих внутри амбалов:

– Что вам надо от меня, кто вы такие, на каком основании следите за мной? Не надоело ещё?

– Ага, мы же вас не трогаем, и вы нас не трогайте. У нас такая работа!

В другой раз молодой парень бродил возле офиса Хана. С балкона второго этажа их офиса сквозь листья деревьев были видны его передвижения. Хан выскочил на улицу и направился прямо к нему. Сыщик, не оборачиваясь, быстрым шагом начал удаляться, но вскоре его нервы не выдержали, и он пустился бежать. Хан попросил водителя проверить машину на предмет обнаружения «маячка». При первом осмотре Саттар ничего не нашёл. Но когда загнал её на «яму», чтобы осмотреть тщательнее, обнаружил небольшой продолговатый предмет с регистрационным номером 21, который с трудом увидел в самом незаметном месте, под задним бампером.

В понедельник 21 августа позвонил Кожин. Он просил завтра приехать в Астану. Пришлось опять обратиться в пробационную службу за разрешением на вылет. Но ответ насторожил Хана. Ему сказали, что его просьбу передадут начальству, и там решат, можно лететь или нет, хотя за весь период ограничения свободы ему ещё ни разу не отказывали. Это было странно.

– Я же не по своей прихоти туда собираюсь. Меня вызывает администрация президента, – попытался он выложить свой аргумент, но там сидели непробиваемые люди.

– Мы вам позвоним!

Под вечер позвонили:

– Вам отказано!

«Что делать? – размышлял Хан. – Да, если отказывают мне в поездке в администрацию президента, значит, очень большие силы вмешались в это дело!»

Пришлось побеспокоить Кожина.

– Самат Муханович! Мне не разрешают вылететь к вам в Астану. Что делать?

– Хангельды, это ваши проблемы, – ответил Кожин. – Я же не решаю такие вопросы. Это компетенция МВД. К тому же завтра вечером я на неделю уезжаю в командировку.

Он сразил Хана своим жёстким ответом. «Переобулся, что ли? Неужели надавили и на него, чтобы он не вмешивался в это дело?» – пронеслось в его голове. В эти секунды над ним рухнуло небо, все его надежды превратились в прах. Единственный человек во власти, который чем-то мог ему помочь, а главное, хотел изменить ситуацию, и то умыл руки! Оставалось надеяться только на Аллаха да на аруахов предков!

Весть о протесте генпрокурора дошла до журналистов, и снова поднялась шумиха.

Слежка усиливается

Несмотря на неслыханный прессинг, Хан продолжал ездить на работу, встречаться с людьми, заниматься спортом. Понимал, что нельзя опускать руки. Однажды утром его водитель, когда поднялся к ним на четвёртый этаж, услышал чьи-то шаги на лестнице сверху. Он быстро поднялся наверх и застал закрывающиеся двери лифта, в котором незнакомый парень спускался вниз. Водитель стремглав бросился на четвёртый, нажал кнопку лифта: двери открылись – внутри стоял перепуганный беглец.

– Чего тебе надо от нас? Кто ты такой? Небось всю ночь просидел на лестнице? – грозным голосом спросил Саттар.

Тот принял боксёрскую стойку, но молчал. Пробубнил, типа, работаем. Делать было нечего, пришлось его отпустить. Соглядатай выбежал на улицу и был таков.

Хану пришлось обратиться за советом к своему другу Амиру – юристу. Приехал к нему в офис, показал «маячок». Амир, зная цель визита, пригласил Олега – бывшего работника КНБ, специалиста по спецтехнике. Пока тот возился с прибором, Хан с Амиром подошли к окну и сразу же обнаружили «друзей». Прямо во дворе дома те спокойно настраивали свою аппаратуру, поднимали какие-то антенны. Олег вытащил батарейки «маячка», которые прослужили бы около двух лет без замены, вновь собрал его и передал Хану.

– Он уже нерабочий. Этот «маячок» работает по такому принципу: постоянно сигнализирует о своём местонахождении с точностью до четырёх метров.

– Что мне с ним делать?

– Оставьте на память.

Вновь выглянули на улицу. Прямо перед окном офиса Амира мужчина держал в руках аппаратуру и направлял в их сторону, не догадываясь, что все его действия напрасны. Хан отправил водителя забрать дочь из садика. А цирк продолжился. Увидев водителя, один из «друзей» быстро сел в машину и поехал за ним. Улучив момент, Хан выскочил на улицу. Он прекрасно знал двор, юркнул в незаметный проход и побежал в сторону гостиницы «Казахстан». Но его заметили. Пока они разворачивали машину, Хан забежал в гостиницу, отключил сотовый, поднялся на второй этаж. Ему было забавно смотреть, как внизу, возле ресепшн, нервно суетились преследователи, потеряв его из виду. Ещё бы, «маячок» молчит, телефон отключён.

Амир посоветовал написать заявление в ДВД, КНБ и прокуратуру. Хан тут же составил три копии, рассказал, что происходит, и попросил принять соответствующие меры. Не откладывая в долгий ящик, Хан с Амиром поехали в КНБ на улице Байзакова. Перед входом была небольшая подворотня, они прошли через неё и нажали на кнопку вызова. Вышел вооружённый человек и впустил их. В окошке они сдали заявление, и их попросили подождать в предбаннике до получения регистрационного номера документа. Пока они стояли там, с улицы вошёл какой-то парень и встал рядом, подслушивая их разговор. Хан заметил его ещё раньше при входе, но подумал, что он пришёл, как и они, сдать заявление, и вежливо предложил:

– Заходите, заходите. Не ждите нас. Мы уже там побывали.

– Нет, нет, спасибо! – ответил тот.

Странно, зачем он тут, раз не заходит в здание, подумал Хан, и уже потом его осенило: так это тоже сексот! Хан попросил друга сфотать этого хмыря, но тот сразу же прикрыл лицо курткой и выскочил на улицу, а затем вернулся, открыл своим ключом дверь и вошёл в здание Департамента КНБ. Чувствуя неладное, Хан попросил Амира выйти и дожидаться его в машине. И правильно сделал. Буквально через минуту выскочил вооружённый автоматчик в камуфляжном костюме.

– Кто здесь фотографировал?

– Он уже уехал!

– Здесь нельзя снимать!

– Он фотографировал вот этого человека! Кто он такой? Скорее всего, ваш сексот? – не выдержав, выпалил Хан.

– Какой сексот, он такой же посетитель, как вы!

– Да какой он посетитель! Со своим ключом спокойно заходит в ваше здание!

Автоматчику не оставалось ничего, кроме как ретироваться. А хмырь вышел из предбанника и, понуриив голову, побежал вниз по улице. Уже под вечер Хан сдал свои заявления в прокуратуру и ДВД Алматы.

Через день ему позвонил Кабен, помощник Кожина:

– Хангельды Жумабевич, вам завтра надо прибыть к нам.

– С удовольствием! – ответил Хан. – Но меня не выпускают из Алматы!

– Разрешат. Есть договорённость с министром МВД Кадыровым.

– Отлично, спасибо, до встречи!

Хан срочно поехал в пробационную службу и передал содержание разговора с помощником Кожина.

– Хорошо, вашу просьбу передадим начальству. Мы дадим вам знать.

Поздно вечером Хан получил разрешение на вылет. Первым утренним рейсом он прибыл в Астану и сразу поехал в Ак Орду.

– Скажу прямо, Хангельды, ваше положение архисложное, – уныло начал Кожин. – Вас хотят посадить на четырнадцать лет.

– А что тут мелочиться?! Почему бы сразу не на двадцать? – съехидничал Хан.

– Не ёрничайте. Я серьёзно говорю, Хангельды. У вас немало врагов, они, как шакалы, сбились в стаю и хотят вас упечь в тюрьму. Ваше письмо я передал шефу! Несколько раз встречался с ним по вашему делу. Даже слегка поругался... Не знаю... Дай Бог скостить ваш срок хотя бы до четырёх лет. Слишком мощные силы настроены против вас. Да, помните, вы как-то выразили желание навсегда уйти из журналистики ради своей свободы?

– Да, конечно же, помню, Самат Муханович.

– Оно в силе?

– Да, в силе. Я готов на такой шаг ради свободы.

– В таком случае вам придётся написать об этом на имя президента. И сейчас же это обращение озвучите по «Хабару». Договорились?

Хан вышел в приёмную, взял там лист бумаги и в кабинете помощника Кабена сел писать своё выступление по ТВ. Показал свою писанину Самату Кожину, вместе внесли небольшую правку. Хан искренне поблагодарил Кожина за неоценимую помощь, пожал его руку и поехал на телевидение.

– Газета должна жить! Сохраните коллектив! А ваше выступление по «Хабару» я завтра покажу президенту.

– Ну что ж, я попытаюсь сделать всё, что от меня зависит. Пока, до суда!

На первом этаже большого нового корпуса, где находятся все телевизионные каналы, Хана ждал будущий директор телеканала «Хабар» с оператором.

– Ханеке, времени мало. Давайте запишем прямо здесь.

– Без проблем, – сказал он.

Позже Хан заехал к друзьям, оттуда покатыл в аэропорт. В 21:30 вошёл в свою квартиру.

– Ажекеня, включи быстренько «Хабар», там мою речь должны транслировать.

На всю страну прозвучали его слова о том, что он уходит из журналистики и издательского бизнеса. До суда оставалось всего пять дней. Пять дней свободной жизни! Хан уже не обращал внимания ни на какие слежки. По его заявлениям была полная тишина. Звонил им – никакого ответа! Его мучила бессонница, аппетита не было вовсе, ни с кем не хотелось встретиться. Он уже ни от кого не ждал помощи, кроме Аллаха.

«Назло всем нетопырям палачества и вообще всем этим нелюдям я не сдамся, пройду все испытания! Ангел-хранитель, о мои аруахи, помогите! Ведь у Аллаха свои, праведные законы», – тихо шептал Хан, и к нему возвращалась блаженная, впервые за последние недели настоящая усталость.

Снова в суд

В суд он решил поехать на день раньше. Позвонил в пробационную службу и попросил разрешения на вылет, подчеркнул, что у него суд в Верховном.

– Сообщим руководству. Позвоним! – ответили ему.

«Что за бредятина? Они ненормальные, ей-богу. Меня вызывает Верховный суд, а они ещё будут думать! В какой же стране абсурда мы живём», – негодовал он.

Ох, как ему не хотелось собирать тюремную котомку. Рука не поднималась на это. Потому попросил жену:

– Радость моя, Ажекеня! Знаю, как тебе тяжело провожать мужа в тюрьму. Но соберись с силами, ты же у меня молодчина. Надеюсь, Аллах не оставит нас в беде. Собери необходимые вещи, на это у меня нет сил.

Бедная любимая Ажар. Ей, конечно же, тоже не хотелось этим заниматься, но, собрав силы, она всё сделала, потому что прекрасно понимала, что заседание Верховного суда будет недолгим – от силы десять минут. Судьи, которым уже сказали, какое решение принять, не задумываясь поддержат требования генпрокурора. «Согласиться с требованием генпрокурора!» – вынесут они короткое решение, и Жумабаева Хангельды в наручниках прямоком из зала суда отправят за решётку. И всё! Тут нет альтернативы.

27 августа Хан лёг спать рано. Но всю ночь ему не спалось, промучился до трёх утра и встал. Жена тоже не спала. Не зажигая свет, попили чай. Накануне вечером Хан наказал водителю, что в аэропорт поедут на его старенькой машине. Просил его ждать в сторонке от своего дома. Хан поцеловал детей, обнял крепко жену и ушёл в неизвестность. Вся эта нехитрая конспирация нужна была ему для того, чтобы усыпить внимание тех, кто следил за ним, кто мог устроить провокацию по пути в аэропорт. Например, под видом дорожных полицейских остановили бы машину, начали проверять документы, протянули время, и он опоздал бы на самолёт. А там поди докажи, что не виноват! К счастью, до аэропорта добрались без проблем и приключений. Хан прошёл регистрацию, сел в самолёт и через час и сорок минут приземлился в Астане. Его встретил Ансар Нуриев. Он был в курсе всех дел. Молча выехали из аэропорта в город.

Хан был истощён, издёрган. Нервное напряжение последних четырнадцати дней, бессонница – всё это вкупе давало о себе знать. Он решил перед долгой отсидкой хоть напоследок поваляться на мягкой постели, отоспаться, если удастся.

– Давай, Ансар, в отель, – попросил он друга.

Там, в комфортабельном номере, он принял душ, лёг в постель, но сон не шёл. Не спалось! Вдруг зазвонил его телефон.

– Слушаю вас!

– Это Жомарт. Хангельды, вы не поверите! Генпрокурор отменил свой протест!

– Отменил протест?! – придя в изумление, спросил Хан.

– Да, да, Хангельды! Так оно и есть.

– А разве так бывает? Хотя такой случай у меня второй. Генпрокурор Хитрин тоже отменял свой протест в отношении меня.

– Бывает. У нас всё бывает. Бумага за его подписью лежит передо мной. А вы уже сегодня можете возвращаться домой.

– Жомарт, такое случается только в сказках. Благодарю за прекрасную новость! – ликовал Хан.

– Ну, считайте, что родились в рубашке, – с прежним спокойствием отозвался Жомарт.

Ханом овладело чувство великого счастья! Это были минуты полной умиротворённой радости, сердце наполнилось жгучим волнением. Душа его пела, готовая выскочить и пуститься в пляс!

– Жомарт, давайте так сделаем. Сейчас к вам подъедет мой адвокат, передайте ему копию документа, ок?

– Ок.

Хан от радости не находил себе места. Неужели это правда? «Нет, пока не увижу самого документа, не буду звонить ни семье, ни близким», – решил он. Через тридцать минут в номер вошёл адвокат, в руках бумага. Он улыбался. Хан пытался поднять его, но увы, тот был для него слишком тяжёл. Килограммов девяносто, не меньше. Но восторга это не уменьшило. Тут же позвонил жене, затем секретарше Алиме, попросил заказать билет на вечерний рейс. Родные и друзья, конечно же, тоже были на седьмом небе от такой ошеломляющей новости! Неожиданно поступил звонок от Кожина. Помощник сообщил, что Хана в 17:40 ждёт его шеф.

В назначенное время Хан был в Ак Орде. В приёмной Кожина сидела незнакомая женщина в годах. Кожин встретил Хана сдержанно, но чувствовалось, что и он радуется за победу.

– Хангельды, поздравляю вас! Скажу честно, я не ожидал такого удачного финала. Это был один шанс из тысячи, пожалуй. Я трижды встречался с шефом, объяснял, доказывал, просил. Ну вот, в итоге...

Потом Кожин позвонил в приёмную:

– Министр тут? Пусть заходит.

В кабинет вошёл министр информации Абай Сакенов. Смущённый. Поздоровавшись с Ханом, он выдал из себя:

– Я солдат, Ханеке.

– Да, вы солдат, Абай. От вас ничего не зависело. Вот Самату Мухановичу огромное спасибо! Это он спас меня от гибели.

– Хангельды, спокойней. Всё позади. Давайте обсудим наши дальнейшие действия. Значит, вы передаёте свою должность главного редактора...

– Я уже несколько месяцев не главный редактор, Саке.

– Я знаю. Теперь главным назначим... Где эта женщина, она тут? Пусть зайдёт!

– Тут, тут она, в приёмной сидит, – ответил Сакенов.

– Пусть зайдёт.

Вошла та женщина, которую Хан встретил в приёмной, назвала своё имя.
– Назначаетесь главным редактором газеты Asia Times. Остальное обговорите с министром. Можете идти. Вы тоже свободны, – сказал Кожин, обращаясь к министру.

Когда они ушли, Кожин продолжил:

– Газета должна жить! Только сохраните коллектив.

«Интересно, как же я его сохраню, если у меня нет никаких полномочий?» – подумал Хан. На часок он заехал к друзьям в сауну, оттуда покатил в аэропорт и поздно ночью вошёл в свою квартиру. Крепкое объятие с женой, поцелуи, визги, радость!

На другой день он прибыл в редакцию. Коллеги уже знали, что Хан навсегда уходит от них, и были в мрачном настроении.

– Мы тут тоже не сидели сложа руки, Хангельды Жумабаевич, – тихо начал говорить за всех самый старший из них. – Мы в курсе, что уходите от нас. Назначили другого человека. Мы все уходим вместе с вами. Вот наши заявления!

Хан не знал, что ответить. Ведь каждый волен сам решать свою судьбу. Тут же набрал номер Кожина и рассказал ему о ситуации.

– Если с вашей стороны будет такой демарш, Хангельды, больше никогда не обращайтесь ко мне за помощью! – сурово ответил Кожин и бросил трубку.

Хан вынужден был обратиться к своим коллегам:

– Друзья, я вас прошу, если вам дорога моя жизнь, если вы не хотите, чтобы я вновь оказался за решёткой, то хотя бы год не оставляйте газету. Поработайте, иначе у меня вновь возникнут большие проблемы.

Вот так закончилась вторая серия судебной истории Жумабаева Хана. «Что это было? Дурной сон? Или это мне привиделось? Может, это чужая история, рассказанная кем-то? Не знаю. Рассудит время!» – решил про себя Хан. Этим вопросом задался не он один, в прессе тоже выдвигали версии и обсуждали произошедшее на все лады. Кто-то спрашивал, какую игру затеяли Верховный суд и Генеральная прокуратура и чем они вообще отличаются от уличных напёрсточников? Где же правосудие, где суды, где правда? Как можно, имея на руках все документы, подтверждающие каждое слово, не сумеет добиться в судах справедливости? И сами же приходили к выводу, что результат обращения к правоприменительной практике гораздо менее предсказуем, чем гадание на бараньей лопатке или на камушках, похожих на овечьи кашки, известное в народе как құмалақ салу. При этом в стране не работает институт репутации, и чиновникам всё равно, что о них думают, на карьере это практически не сказывается. Можно творить что угодно. В газетах прямо писали о том, что в Казахстане нашли идеальный способ борьбы с журналистами и блогерами, и дело Хангельды Жумабаева – яркое тому доказательство. Что статья «Вымогательство» по сути своей является инструментом террора и очень удобна для борьбы с журналистами, блогерами, да и с просто несогласными. А с обвиняемыми никто особенно не церемонится – стальные челюсти правоохранительных органов срабатывают как капкан. Перспективы попавших под раздачу печальны: прекращение деятельности СМИ, запрет на занятие журналистикой, материальное и моральное банкротство и даже заглупленная жизнь...

Понятно было, что дело Хана испугало журналистское сообщество, вероятно, в этот момент каждый примерил эту статью на себя и задался вопросом: а вот он сам какое решение бы принял? Смог бы отказаться от всего,

уйти из профессии ради свободы? Или предпочёл бы сесть, но не замолчать? И мало у кого был на это ответ. Ведь, не побывав в застенках, не посидев в карцере, не попробовав баланды, нельзя узнать безнадежного вкуса неволи и понять, чего он стоит.

Послесловие

Так завершилась недолгая, но печальная тюремная эпопея Хана, вобравшая в себя все ужасы и несправедливости казахстанской судебной системы. Она затронула самые чувствительные струны его души. Подломились ли какие-то основы, опоры, вера в справедливость? Нет, конечно. Он верил и знал, что добро восторжествует, а зло будет наказано.

Дали ему пять лет ограничения свободы, десять лет он не имеет права занимать руководящие должности, но он же не находится в колонии, в тюрьме, а живёт дома, рядом с детьми. Да, он расстался с любимой профессией, потерял газету, которую создал четырнадцать лет тому назад, закрыли его интернет-газету «Радиорубка»...

Но все эти потери ничего не значат по сравнению с тем, что он выиграл! Так, Хангельды? Так!

Так в чём же дело? Почему беспокойно на душе? Почему до сих пор скрепящее ощущение в груди, словно там лежит тяжёлый камень? И что делать с тем саднящим осадком, что гнётом лёг на душу?

После долгих бессонных ночей к нему явился ответ на эти вопросы: оказывается, именно тот компромисс с властями, с правоохранительными органами, на который он пошёл, не давал покоя. Правильно ли он поступил или нет?

Вся наша жизнь в каком-то смысле компромисс. Все вынуждены выбирать между желаемым и возможным, но должны поступать по долгу, по совести.

Вероятно, компромисс – это договор сторон о взаимовыгодных условиях путём взаимных уступок. Хан пошёл на это во благо себе и близким, ради будущего своих детей. Этого требовала сложившаяся ситуация, из двух зол предстояло выбрать меньшее. У каждого человека своя биография, свой узор жизни, своя логика поступков и действий. Чужому человеку понять её нелегко, а тем более обнаружить за нею высший смысл, который диктует жизнь.

Хан чётко уловил, что в атмосфере беззакония, когда подавляется всякая независимая мысль, когда заставляют белое объявлять кромешно-черным, когда чуть ли не буквально превращают человека в винтик, лишив его каких бы то ни было понятий о свободе, доказывать что-то – не просто трата времени, а большая опасность для жизни!

Он никого из коллег не предал, никого не оговорил. Да, Антикоррупционное бюро не выполнило своих обещаний. Но это на совести «блустителей» порядка. Его совесть осталась чиста.

Чему научила его тюрьма? Какие уроки он вынес? Ответ весьма прост: быть самим собой, не терять самоуважения, верить в лучшее.

В его нелёгкой судьбе схлестнулись два начала: его характер, убеждения, страсть к справедливости, готовность пером доказать свою правду жизни – и коррумпированная власть, возносящая на свои монбланы всё новых и новых калифов на час.

И какая сторона оказалась в выигрыше – рассудит время.

И всё же кем были те люди, которые вершили «праведный» суд над Ханом и над другими известными людьми?

Прежде всего Алена Кунсель, которая, будучи заместителем руководителя следственного департамента Нацбюро по противодействию коррупции, тайно руководила следственной бригадой, расследовавшей дело Хана.

Несмотря на то, что фигуранты уголовных дел, которые она расследовала, писали на неё жалобы, документально указывая на её необъективность и предвзятость, все уголовные дела доходили до суда, и «виновные» получали реальные тюремные сроки с конфискацией имущества и возмещением ущерба, нанесённого государству.

И как результат «доблестного» труда, скоро на кителе старшего советника юстиции (полковника) А. Кунсель заблестал орден «Айбын» II степени, потом она получила почётное звание «Госслужащий года» – статуэтку вручал ей покровитель, руководитель Агентства по делам госслужбы и противодействию коррупции Алдамжаров.

Ермек Алдамжаров, став генпрокурором, назначил её на должность начальника службы спецпрокуроров – сбылась её мечта! Ещё немного, и Кунсель, благодаря своей активности не только в расследованиях, но и наедине со своим покровителем Алдамжаровым, могла бы получить звание генерала и высокую должность.

Но судьба распорядилась по-иному. В середине мая 2019 года в СМИ разошлась новость о том, что Алена Кунсель, звезда Генпрокуратуры, уволилась. Более того, тихо покинула пределы Казахстана. Как писал один известный журналист, эту информацию подтвердил официальный представитель Генпрокуратуры. Её отставка потянула за собой череду других. Более ста сотрудников этого зловещего ведомства подали рапорты на увольнение. Уволился и небезызвестный Марат Котырбаев, возглавлявший Нацбюро по противодействию коррупции, а позже службу уголовного преследования Генпрокуратуры. Это он приглашал Хана в свой кабинет и обещал без суда освободить из СИЗО. Куда он ушёл – неизвестно.

Естественно, причиной столь срочных и шквальных отставок стало низвержение самого Ермека Алдамжарова. Последние сведения об этом некогда всеильном чиновнике: на него заведено немало уголовных дел!

Алматы

Сентябрь 2023 – январь 2024

Оформить подписку на журнал

- В отделениях АО «Казпочта»
- На сайте www.post.kz
- В редакции журнала
- С любого месяца

МОЖНО: Подписной индекс:

для физических лиц
75796

для юридических лиц
25796

стоимость 2025 год:

стоимость 2025 год:

1 месяц – 972 тг

1 месяц – 1322 тг

3 месяца – 2915 тг

3 месяца – 3965 тг

6 месяцев – 5830 тг

6 месяцев – 7930 тг

12 месяцев – 11660 тг

12 месяцев – 15860 тг